

ВОССТАВШЕЕ ЗЛО
РУССКИЙ МИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

За пять минут до

НИКОЛАЙ
БАХРОШИН

Восставшее зло. Русский мистический детектив

Николай Бахрошин

За пять минут до

«Яуза»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бахрошин Н. А.

За пять минут до / Н. А. Бахрошин — «Яуза»,
2018 — (Восставшее зло. Русский мистический детектив)

ISBN 978-5-04-096741-4

Представь, что первый раз ты родился миллион лет назад, а потом много раз умирал и воскресал в новом теле. Ты враждовал с неандертальцами, видел гибель Атлантиды, завоевывал мир вместе с Александром Македонским, пировал с опричниками Ивана Грозного. Ты уже был вождем, царем, пророком и знаешь цену человеческой суетности... Альберту Обрезкову не надо ничего представлять, он отчетливо помнит все свои прошлые жизни. Но кто сказал, что реинкарнация свойственна только людям? Древнее зло тоже находит новое воплощение и опять грозит миру. Приходит время платить за ошибки прошлого...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-096741-4

© Бахрошин Н. А., 2018
© Яуза, 2018

Содержание

Пролог	6
Часть 1	8
1	8
2	13
3	19
4	23
5	28
6	37
7	41
8	46
9	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Николай Бахрошин

За пять минут до

© Бахрошин Н.А., 2018

© ООО «Издательство «Яуза», 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Пролог

«А я скажу ему так: выслушай меня, Бог Богов Кун-Кеаль, выслушай и не гневайся на меня... Нет, не так... О, Великий Змей Кун-Кеаль, скажу я ему, ты настолько могуч, что каждым вечером проглатываешь остывающее солнце и каждое утро, напитав его пламенем своего сердца, снова извергаешь светило огненным! От движения твоего хвоста дрожат горы, а взмах твоих крыльев рождает бурю! Тебе, Кун-Кеаль, подвластно все сущее, ты вращаешь небо и колеблешь землю, твоя радость заставляет цветы распускаться и деревья – плодоносить, твой гнев овеивает живущих ледяным дыханием смерти... Да, именно так и скажу... Отдай мне мою Мицкель, Великий Змей Кун-Кеаль, и я буду служить тебе вечно, клянусь!»

Задумавшись, он вскочил с камня, словно уже предстал перед всевидящими глазами Бога. Видел и бесконечные переборы сверкающей чешуи, и ослепляющую радугу перьев. Чувствовал на лице обжигающий ветер его дыхания, которое может оживлять мертвых и убивать живых.

«Да и рассуди сам – зачем тебе Мицкель, Кун-Кеаль? У тебя ведь так много красавиц! Каждый год жрецы наряжают семь самых красивых девушек и семь самых мужественных юношей и сталкивают их в пасть вулкана То-тьель, чтобы ты, Кун-Кеаль, не гневался на народ ноньяхо. А Мицкель... Она даже не самая красивая, ты знаешь это! Ты сам видишь – и рост у нее невысокий, и нос с горбинкой, и ягодички маленькие, как у юноши. Не перекачываются при ходьбе так призывно, как у красавицы Нанцли, чья походка вызывает в мужчинах волны желаний... Почему Нанцли не отобрали для жертвы, если даже Солнце смущается, глядя на ее улыбку?! А Мицкель... Девушка-подросток – так ее называют, именно так... Зачем тебе такая маленькая женщина, Кун-Кеаль? – начал он снова. – Нет, не так – зачем тебе маленькая, нескладная девочка, Великий Бог? Ведь вокруг тебя множество рослых и стройных девушек, чьи бедра круглы и гладки, чьи груди остры и упруги, чьи волосы длинны и нежны на ощупь, как шерсть молодой козы...»

На мгновение он запнулся, словно почувствовав на себе обиженный взгляд Мицкель. «Ты считаешь меня некрасивой, Енрик? Неужели ты действительно считаешь меня некрасивой?» – отчетливо прозвучал в ушах родной взволнованный голосок.

«Нет, нет, любимая, не слушай меня! Это не для твоих ушей, это – для Кун-Кеаля! Конечно, ты самая...»

Положа руку на сердце, на Мицкель мужчины тоже смотрели пристально и внимательно, хотя смотреть вроде бы не на что.

Удастся ли обмануть Бога? Убедить, что Мицкель не хороша для него?

Енрик верил и не верил в это. И без конца проговаривал про себя одно и то же, подыскивая лучшие, самые убедительные фразы для Кун-Кеаля. И, разумеется, отдельные слова для его жены, богини-змеи Куны-Кео, что каждое утро проглатывает луну и каждый вечер снова выплевывает ее в небо. Куну-Кео нужно привлечь на свою сторону в первую очередь, понимал Енрик. Она – женщина, а женщины лучше и охотнее понимают страдание сердец.

В горячей путанице вымышленных речей Енрик опять забыл, что собирался отдохнуть и перекусить. Двинулся дальше к вершине вулкана, оставляя на камнях кровавые следы. Легкие сандалии стерлись и развалились уже давно, горные тропы в кровь избили-изрезали ступни и голени. Первое время он еще пытался обертывать ноги кусками одежды, потом бросил это занятие. Просто шел, не обращая внимания на сбитые ноги и голодное бурчание в животе.

Что ему телесная боль? Боль – судорога жизни, а жить ему незачем, если Кун-Кеаль не отдаст обратно Мицкель. Его любимую, его единственную принесли в жертву Великому Змею!

Пусть ему сейчас плохо, это даже хорошо, что плохо. Чем хуже, тем лучше. Муки тела – тоже жертва богам. Сначала ты отдаешь им свое страдание, потом – свою жизнь. Так в мудрости

своей вездесущей устроили этот мир Великий Змей Кун-Кеаль и верная жена его, Богиня-Змея Куна-Кео. А почему так, почему в жизни человеческой должно быть больше страданий, чем радостей, не знают даже жрецы из Круга. Но им, Богам, конечно, виднее...

Часть 1

Наследство

1

Телефон звонил...

Все звонил и звонил, надрывался под самым ухом, а я не мог до конца проснуться. Как будто еще дышал разреженным воздухом высокогорья, чувствовал колкие иглы холода, видел жгучее солнце в синеве неба, цепь заснеженных пиков на горизонте и резкие, ломаные тени от скал и камней.

Долгий изнуряющий подъем на вулкан, сернистое, вонючее дыхание жерла, и я, бросающийся туда с раскинутыми руками и верой в скорую встречу с Мицкель, что прекраснее и желаннее всех красавиц на свете.

«Моя любимая, моя маленькая жена, я иду за тобой! Иду к тебе!»

Кричал? Наверное. Отчетливо запомнилось пронзительное ощущение полета, упругие ладони ветра, неожиданно больно сжавшие тело. Неровные растрескавшиеся уступы стен, что раньше, сверху, выглядели почти гладкими.

Больше ничего не помню. Скорее всего, ударился о какой-то выступ. Или умер на лету от разрыва сердца, тоже бывает. Слишком глубокое жерло оказалось у вулкана То-тьель, младшего, сердитого брата Великого Змея Кун-Кеаля.

В сущности, это была очень короткая жизнь. Ничем не примечательная жизнь молодого воина но-ньяхо, так и не обрызгавшего себя кровью врагов. Воин, который никого не убил, – это еще не воин, это даже не половина воина, так говорили старики но-ньяхо. Пожалуй, только любовь к Мицкель, огромная любовь к маленькой женщине выделила Енрика среди других. Отправиться просить всемогущего Бога отдать предназначенную ему жертву, решиться на такое в те времена, когда люди отчетливо сознавали свое ничтожество перед лицом высших сил, – поступок, конечно.

Где же это произошло? Похоже на Южную Америку. Анды... Остается вопрос – когда в южноамериканских горах жили но-ньяхо, поклонявшиеся богу-змею Кун-Кеалю и богине-змее Куне-Кео?

Напоминает Кецалькоатли, пернатого змея ацтеков. Я где-то читал, что его первые изображения археологи датируют пятнадцатым веком до нашей эры и пребывают в недоумении по этому поводу. Ацтеков тогда еще не было и в помине, так что получается загадка истории. Похоже, это как раз изображения Кун-кеаля, а не Кецалькоатли, просто время не сохранило памяти ни о народе но-ньяхо, ни о его богах. Она, история, вообще сохраняет на удивление мало. По моему внутреннему ощущению, молодой воин Енрик и маленькая Мицкель, эти Ромео и Джульетта древних веков, жили еще до того, как египтяне объявили первый тендер на строительство пирамиды. Вопросы хронологии – всегда сложно и путано.

За последнее время я несколько раз видел этот сон. Нет, не чужой. Скажу еще более непонятно – из очень далекой жизни...

Да, телефон... Звонит до сих пор. Зараза!

Я все-таки встряхнулся. Снял трубку. И вздрогнул от мощи незнакомого голоса, напористо зазвучавшего в самое ухо:

– Здравствуйте! Я государственный нотариус города Скальска Максим Евгеньевич Храпов!

Громко, раскатисто, с вибрирующей оперной баритональностью. Голосище, однако.

- Рад за вас, – буркнул я.
- Что вы говорите?
- Говорю, вам повезло в жизни.
- Ага... – озадачился голос, чуть сбавив громкость.

Между делом я глянул на часы и обнаружил, что всего полвосьмого утра. Может, и не так уж повезло, если он вынужден работать в такую рань.

– Ага... Я извиняюсь, это Альберт Петрович Обрезков? – зашел баритон с другой стороны.

– Он, – не стал отпираться я. И, в свою очередь, поинтересовался: – Я извиняюсь, Скальск – это...

– Город, – строго пояснили мне. – Районный центр Скальского района Тверской области.

Ну да, конечно. Как можно не знать этакий весь из себя райцентр? – подумал я. Добавил примирительно:

– Красивый город. Наверное.

– Ага... – не смягчился голос. – Должен вам сообщить, что в моем ведении находится дело о наследстве господина Скворцова. По завещанию усопшего... – небольшая пауза, подчеркивающая приличествующий случаю драматизм, – вы объявлены единственным наследником покойного!

– Кого? – опешил я.

– Покойного, – повторил баритон. – Господина Скворцова Николая Николаевича. Безвременно усопшего пять дней назад.

Я молчал. Знать бы еще, кто такой господин Скворцов, он же – Николай Николаевич. Кстати, уже покойный. Усопший. Безвременно. Вот такие завершающие штрихи к портрету...

– Алло! Альберт Петрович, вы меня слышите?

– Да-да, слышу.

– Куда-то вы пропадаете.

– Я не пропадаю, я думаю... И большое наследство?

– Не очень, – честно признался нотариус Храпов. – Дом, участок, хозяйственные постройки, счет в сберегательном банке на 54 тысячи рублей 78 копеек. Думаю, что для вас, столичного жителя, – совсем не большое. (Явный укол.) У нас здесь дома-то стоят не то что у вас, в Москве. Впрочем, вы можете отказаться. Согласно законодательству, ничто не обязывает гражданина принимать на себя права и обязанности наследника, если он того не желает.

Мне послышалось или здесь прозвучал совет?

– Нет, почему же сразу отказаться! – взволновался я. – Я же не отказываюсь, я просто... думаю! Еще никогда, знаете ли, не получал наследства из Скальска. Вдруг это вообще станет хорошей традицией?

– Простите?

– Традицией города. В смысле, оставлять наследство Альберту Петровичу Обрезкову.

– Ага. – До него дошло, и баритон стал заметно суше. – Должен вас информировать, что для вступления в права наследника вам нужно прибыть в скальский нотариат № 2, улица Марксистская, дом 6, часы работы с 9.00 до 18.00, кроме субботы и воскресенья. Перерыв на обед с часу до двух. Всего хорошего, Альберт Петрович! Надеюсь в скором времени увидеть вас у себя.

И тут повесил трубку, так и не узнав, что я горю не меньшим желанием. Увидеть и остальное.

А я горю?

Слушая короткие гудки, я все еще пытался со-образить, что бы это значило.

Чашка крепкого кофе помогла, наконец, проснуться. Вторая, уверен, помогла бы еще лучше, но телефон опять зазвонил.

Я уж было решил, что шутка получилась пророческой и наследодатели неизвестного Скальска всерьез засучили рукава над бумагами в мою пользу. Но это оказалась Аська, шеф отдела текстовых материалов нашей рекламной конторы. Хлопотливый зайчик с двумя детьми и тремя разводами за плечами.

Мы подружились с первых дней моей работы на поприще рекламной журналистики и однажды, после особенно лихого корпоратива, чуть не подружились до совместной постели. Но – Бог помиловал, черт отвлекся, и наша чистая дружба так и не взбаламутилась отношениями. Остается добавить – к счастью. Спать с начальством, знаете ли, пахнет беспринципным карьеризмом.

– Алик, ты уже проснулся? – поинтересовалось начальство.

– Наполовину.

– Я слышала, ты собираешься в Скальск?

– Ага... – протянул я, от растерянности скопировав нотариальные интонации. – Я тоже слышал. Буквально вот только что.

Нет, ну она-то откуда знает?

Впрочем, вклиниться с вопросами было не просто. Аська, золотое перо российской рекламы, не только пишет, как пулемет, но и общается скорострельными очередями. За считанные мгновенья я узнал, что от последней моей статьи о вакуумных насосах заказчик пишет кипятком и думает, не поднять ли цену на свой бесценный товар. А дети ее несравненные, эти цветы жизни с клыками в крови родителей, опять никого не слушают, маму ни в грош не ставят. Младший вчера во дворе кидался камнями и потом весь вечер доказывал, что делал это из чисто эстетических соображений. Вот такое продвинутое поколение растет: умные слова знают, а эстетика прежняя – камнем в лоб... И старший учудил – влюбился в девочку из соседнего подъезда и не придумал ничего лучшего, чем подарить ей свои новые ролики. С ума рехнуться – взял и подарил. Попросила, говорит! И как он будет жить дальше в наше меркантильное время? Нет, Алик, кто не имел детей, тот не знает, что такое счастье... Представляешь, выдворишь их из дома, в киношку какую-нибудь – и одна!.. Нормально, в общем, все как обычно, в нашем дурдоме процедуры по графику. Нет, в конторе ничего срочного, можешь пока не появляться, ода о превосходстве отечественной сантехники потребует через два-три дня, не забудь. Кстати, самое главное, Алик, чего я звоню-то... Чуть не забыла, хотя звоню именно поэтому. Тебе крупно повезло, дорогой, моя подруга Евгения как раз сегодня собирается ехать в Скальск. Она на машине, и совершенно не против взять попутчика. Представляешь, как удачно?

Я опять удивился. Такое выдалось утро – удивительное.

– Цени заботу, подчиненный!

– До гробовой доски, начальница! А подруга красивая? – не мог не поинтересоваться я. Хотя в голове вертелись совсем другие вопросы.

– Спрашиваешь! Почти как я в молодости. Только ты губы-то не раскатывай, губешки свои похотливые. Девушка замужем и вполне счастлива.

Я вздохнул. Подтвердил, что у красивых девушек почему-то часто встречается такой недостаток – замужество. Счастье, конечно, бывает гораздо реже. А как иначе, если локомотив семьи и брака без остановок проносит их мимо станции «Тихая радость с дядей Аликом»?

Аська вредно хихикнула и назвала меня шалуном с простатитом. Пригрозила, что когда-нибудь она сама спрыгнет с поезда и узнает, так ли уж хорошо с дядей Аликом или это обычный рекламный ход по сбыту залежалого товара. А что касается Евы (предупреждаю, дорогой, она не терпит сокращения Женя, предпочитает – Ева, пес знает, почему), запомни, мой драгоценный, – козлиный скок в ее сторону чреват обилием неприятностей. У нее муж – крутой мэн, работает в страшной конторе, которую лучше не упоминать всуе.

Я осведомился, не та ли это горячая точка, обитатели которой носят рога и кокают на копытах? Если так, то я пас, конечно, разумный человек и в гору не пойдет без нужды, и по наклонной плоскости без повода не покатится. Что до остального, к сведению начальствующих особ, – препятствия лишь укрепляют большое и светлое, выводя его из голой физиологии на уровень сценического драматизма.

Аська в ответ посоветовала не трясти физиологией, если она дорога как память. А подруга Евгения-Ева, мол, подъедет к моему дому в течение часа. Адрес она ей дала, и та любезно согласилась подъехать. Жди у подъезда, граф Монте-Кристо, сокровища Скальска, считай, твои!

Она, по обыкновению, стремительно отключилась, а я остался при всех вопросах. От простых, основополагающих – что есть город Скальск? Кто есть Скворцов? – до более заковыристых на тему, что вообще происходит, люди добрые?

Может, хотя бы красивая и замужняя подруга Ева, которая не любит быть Женей, как-то прояснит ситуацию? С этими мыслями я принялся собираться.

* * *

История с непонятным наследством все-таки заставила меня окончательно проснуться – струя неожиданности бодрит не хуже холодного душа. Поэтому из подъезда я вышел в приподнятом настроении. Лихо закинул на плечо дорожный рюкзак, брякнувший мыльницей, тюбиком пасты и щеткой. Зубная паста – завтрак истинного туриста.

Город уже шумел, Москва вообще спит мало и нервно. Птичье щебетание в пыльной дворовой зелени безуспешно пыталось соперничать с гулом близкой автострады, солнце усиленно разогревалось в голубой вышине. Чистое утро обещало хороший день.

Огромный черный джип «мерседес» я засек сразу – машина не из тех, что примелькались в нашем демократичном дворе. Мотор работал – из выхлопной трубы еле заметно струился дымок. Одно из окон машины приоткрыто, оттуда тоже вился дымок, сигаретный. Окна были наглухо, с полным наплевательством на запрет, затонированы. Ну да, у нас же муж! Объялся груш в секретных садах конторы. Присмотреться поближе – и номерок на машине небось из тех, что не тормозят гаишники, подумал я.

На всякий случай я дал по двору неспешный прогулочный круг. А вдруг не та машина? Сунешься всей душой, а там реальные пацаны, злые, что с утра еще никого не убили.

Мои маневры вокруг да около не остались незамеченными. Задняя дверь приоткрылась. – Альберт Петрович Обрезков?

Я подтверждающе махнул рюкзачком и полез в салон.

Сунулся! Потому что внутри никакой красивой Жени-Евы не оказалось. За рулем и рядом, на пассажирском сиденье, что-то плечистое, объемное, с затылками в крепких складках. На заднем сиденье, в непосредственной близости от меня, развалилась совсем уж непотребная туша. Человек-гора с глазами-иголками, неряшливой щетиной и массивной золотой цепью под линялой майкой.

Впору рассмеяться. Но смешно не было.

– Журналист? – коротко спросила туша.

– Дверь закрывай, журналист, кондиционер же работает, – бросил, не оборачиваясь, один из затылков.

Я промолчал. Честно, не знал, что сказать. Но закрывать дверь, эту последнюю надежду на отступление, решительно не хотелось. Люди в «мерседесе» мне как-то сразу не приглянулись.

– Вот что, писака! Слушай сюда и запоминай! – Туша надвинулась, обдав меня несвежим дыханием с привкусом вчерашнего алкоголя. – Про наследство ты лучше забудь! Приехал к

нотариусу, отказался и забыл, как страшный сон... Понял? А не то с тобой случится такое, что тебе ни в одном сне не приснится! Лучше тебе вообще не знать, что может случиться... Ты меня хорошо понял?

Я понял достаточно, чтобы послушно кивнуть.

– Он понятливый, – подтвердил первый затылок, не оборачиваясь.

– Он жизнь любит, – выдвинул предположение второй затылок.

Этот тезис тоже не хотелось оспаривать.

Между делом я удивился, что же такое сдвинулось в нашем мире, если домик почти в деревне и счет в 54 тысячи рублей с копейками взволновал столичный преступный мир, как кровь акулу?

Интересно, бить будут или обойдется пока?

– Теперь – пошел вон! – объявила туша.

От толстых людей обычно не ждешь большой силы и тем более стремительности. Напрасно, между прочим. Самый сильный человек, которого я когда-либо видел, весил килограмм сто пятьдесят, выглядел бессмысленной горой мяса, но при этом валил боевых жеребцов, ухватив их за шею одной рукой, и с легкостью разрубал человека ударом меча. Помню, понадобилось десятка три крепких ратников, чтобы его связать, и половина из них потом не поднялись с булыжников площади...

Так я пытаюсь объяснить, почему проворонил следующее движение толстяка. Он быстро, с кошачьей ловкостью, ухватил меня рукой за плечо и вытолкнул из салона так же легко, как смахивают крошку со скатерти. Падая, я зацепился плечом за дверь, ногой за порог, ладонью за что-то и, притормозив таким образом, плюхнулся на асфальт без членовредительства. Но все равно – жестко и неприятно. Машина тут же рванула прочь, издевательски обдав меня бензиновым перегаром.

Нет, против их отъезда никаких возражений – знакомство получилось коротким и не располагающим. Но, между прочим, я ведь могу обидеться!

Все еще сидя дурак дураком посреди двора, я долго шарил по рюкзачку в поисках сигарет и зажигалки, пока не сообразил, что они в нагрудном кармане рубашки. Нашел. И когда, наконец, справился с собственными руками, то услышал, как сзади коротко погудели.

Я оглянулся. Поднялся, отряхиваясь. Опять джип, темно-синяя «вольво». Тоже неплохая машина, кто разбирается.

Ладно, а эти как? Тоже поговорить или все-таки сунут в морду?

Джип еще раз гуднул, резко и требовательно. Я вздохнул, забросил рюкзачок на плечо и подошел к машине. Снова приоткрылась задняя дверь. Значит, такой нынче фирменный стиль... А у нас что по поводу кондиционера?

– Альберт? – спросили оттуда.

Наученный горьким опытом, я не спешил отвечать.

– Ну, садитесь, садитесь. Ехать же долго, – поторопили меня.

Что оставалось делать? Я сел.

Красивая девушка здесь была.

2

– Евгения, – представилась девушка за рулем. – Для друзей – Ева.

– Толик, – бросил белобрысый парень, сидящий рядом с ней.

– Жора Багор, – улыбнулся мой сосед по заднему сиденью.

Выглядел он тоже внушительно. Бритая голова, плечи борца, кривой нос боксера и улыбка, как трещина в гранитной плите. На кисти я заметил характерную татуировку из заключенных параллелей. Ну здесь хотя бы булыжное дружелюбие...

Мы неспешно ползли через утренние пробки. Наверное, не быстрее, чем Енрик, ослабевший от голода и потери крови, преодолевал последние метры до вершины вулкана То-тьель, вспомнилось мне.

– Альберт, – сказал я. – Можно проще – Альберт Петрович.

Жора охотно хохотнул, серьезный Толик не повел бровью, а Ева, как я заметил в зеркале заднего вида, слегка улыбнулась.

Аська не преувеличивала – красивая. И сознает свою красоту. Спортивная фигура обтянута модным брючным костюмом, беспорядок коротких темных волос явно выверен дорогим стилистом. Лицо острое, глаза круглые, прицеливающиеся. Как у хищной птицы. Именно такие летают на машинах «люкс», носят эксклюзивное оперение и гнездуются в небоскребах улучшенной планировки. На пальце я заметил обручальное кольцо, Аська и здесь не соврала.

Впрочем, какое мне дело до ее кольца, я в такие высоты не залетаю. Кого-то она мне напоминает... Как, без сомнения, настораживает ситуация в целом. Ребята молодые, крепкие, таким небольшая разминка на свежем воздухе только в радость. В смысле, закопать меня в первой же лесополосе.

Остается главный вопрос – зачем я им сдался? Уж не затеяна ли вся эта чехарда с наследством, чтобы оттяпать жилплощадь у одинокого журналиста? Подзаработать, к примеру, на обслуживание шведского автозверя?

Внятное объяснение на уровне здравого смысла... Только каким образом моя милая Аська, умученная радостями материнства, вписалась в цепочку черных как ночь риелтеров? И братки из «мерседеса», отдадим должное, о квадратных метрах не заикались, смотрели шире...

– Вы, случайно, работаете не в сфере недвижимости? – спросил я Жору. На всякий случай.

Тот охотно повернулся ко мне:

– Не, я вообще не работаю. Теперь – нет. Бабки есть – чего мне работать? Когда-то – да, впахивал как проклятый, Багра тогда... ну меня то есть, Багоркин моя фамилия... каждая сволочь знала в Замоскворечье! А потом легкое прострелили на стрелке, думаю – на фиг мне все это надо? Теперь – живу. Просто.

– А кто легкое прострелил? Коллеги?

– Ну да, сволота беспонтовая. Молодняк малёхо рамсы попутал.

– И как же вы?

– Да разобрался потом, – успокоил он. – Как из больнички откинулся, сразу и разобрался.

Они у меня летали впереди собственного визга.

Честно сказать, не успокоило. Лучше б не спрашивал.

– Можно нескромный вопрос, Альберт Петрович?

Вот, как и ожидал! А квартира ваша на вас числится или прописан еще кто-нибудь? А нет ли, говоря юридическим языком, иного обременения жилплощади? И все это с природной искренностью крокодила, который много плачет, потому что хорошо кушает.

Я кивнул.

– Откуда такое имя – Альберт? – спросил Жора. – Нераспространенное какое-то.

* * *

Поясню сразу, комичное сочетание Альберт Петрович Обрезков, напоминающее живописных мещан от М. Зощенко, сложилось из наследственной фамилии и увлечения моего папы наукой. Отец твердо верил, что физика спасет мир, даже когда хваленая красота беспомощно сложит на маникюрные лапки. Так что имя я получил в честь кумира ученых середины прошлого века – Альберта Эйнштейна.

Потом мне рассказывали, что мама, более здравомыслящая, упиралась до последнего. Мол, сам подумай: один дедушка – Федор, второй дедушка – Пахом, ты – Петя, какой, к свиным собачьим, Альберт? Но в некоторых вещах папу было не сдвинуть. Не там, где следовало бы, по мнению мамы.

Помню, как-то в одной из давних журналистских командировок я встретил коллегу с не менее звучными именем и фамилией: Эрнест Голопяtko. Мы поняли друг друга сразу.

– Что, Эйнштейна не получилось? – значительно спросил он.

– А Хемингуэя? – парировал я.

– Большой был ученый...

– И писатель не малый...

Мы одновременно и невесело улыбнулись.

Русский тезка богатыря американской литературы работал фотокором областной газеты и, в насмешку судьбы, был плюгав, плешив и сутулился даже при малом росте. С классиком его роднил лишь широкий шаг по тропе запоев. В этом мне очень скоро пришлось убедиться – похмелье осталось ярким воспоминанием от той обычной командировки.

Остальным приходилось объяснять происхождение своего нетипичного имени. Раздражало, со временем – надоело, и я перестал оправдываться за ономастические причуды папы. Пусть. В смысле, думают, как хотят, и толкуют сами. В конце концов, вера наших родителей в физику-лирику светлого будущего была такой же крепкой, как броня Советов, не стоит их за это судить.

Помнится, когда-то старый и умный жрец сказал мне, юному, сомневающемуся правителю: «Дай людям хлеб, они насытятся и будут плевать в тебя. Дай им веру, и они будут славить тебя даже с голодным брюхом!» Прозвучало это за тысячи лет до рождения Христа и показалось на тот момент откровением. Избирательная история не сохранила ни языка, ни даже имени того народа, но, если рассудить, за истекшие тысячелетия не случилось ничего такого, что опровергло бы слова жреца...

Добавлю, сам папа в любимой физике не преуспел. Почти сорок лет проработал в одной и той же лаборатории, но диссертацию так и не защитил и дальше должности старшего инженера не продвинулся. С тем большим пылом отец мечтал сделать из меня ученого, достойного именитого тезки. Я до сих пор с содроганием вспоминаю бесчисленные физико-химико-математические кружки, конкурсы и олимпиады, куда меня толкала родительская непреклонность. Как ни зубри, все равно тонешь утюгом чугуном среди зауми юных гениев. Не утешал даже общеизвестный факт, что великого Эйнштейна чуть не исключили из школы за тупоумие. Его, тупоумия, я продемонстрировал вволю, но второй теории относительности за ним не прокнулось. Тем не менее после школы я все-таки проскочил (проскребся!) на физмат и бросил это дело только на втором курсе, укрывшись от родительского разочарования под армейской пилоткой.

Поймите правильно, я не жалею. За исключением мечты о моей научной карьере, папа был человеком веселым, легким и, что называется, мастером на все руки. И по дому сделать, и на даче построить, и друзей за столом собрать, и поставить нас всех под рюкзак, под весло байдарки, на лыжи и на коньки...

Мой большой, сильный, неугомонный папа! Он любил работать и умел отдыхать. Руками вообще творил чудеса – не только наша двухэтажная дача построена им в одиночку от фундамента до конька крыши, но и на участках друзей остались его плотницкие шедевры. Друзья любили его и считали славным малым, пусть и не хватающим звезды за острые кончики. Я до сих пор думаю, что его настоящим призванием было мастерить и строить, а не создавать теории и рассчитывать уравнения. Просто он вырос на романтике глобальных идей. «Дай людям веру!» – как давно все же было сказано... В возрасте подростковой категоричности я пытался с ним спорить, доказывал, что хорошая табуретка лучше плохой теории, и, разумеется, без успеха.

Словом, у меня было нормальное, счастливое детство, которое не смог испортить даже переизбыток точных наук.

За два года армии семья смирилась, что звезда Обрезкова не засияет на небосклоне отечественной физики. Но я не стал окончательно разочаровывать родителей, их убежденность в необходимости высшего образования оставалась непоколебимой. Я еще раз лягнул зубами о гранит науки, только выбрал меньшее зло – факультет журналистики. И, к собственному удивлению, его окончил. Потом работал – по специальности и не только.

Что еще о себе рассказать... Да, написал три историко-приключенческих романа. «Коса и сабля» – о временах опричнины, «Голоса деревянных богов» – о набегах викингов на славянские земли и «Утро фараона» – понятно, о каких временах. Все три книги опубликовало небольшое издательство, из тех, которые расплодилось в середине 90-х и незаметно растворилось в двухтысячных. Тиражи были маленькие, громкой славы книги не принесли, зато могу именовать себя не только журналистом, но и писателем. Звучит гордо. Теперь, когда возраст приблизился к сороковнику, хочется иногда позвенеть заслугами.

Вот такая простая биография. Если вкратце и не обо всем...

* * *

Сильно вдаваться в прошлое я не стал, но великого тезку не скрыл от попутчиков. Заодно сообщил, что друзья обычно не заморачиваются рычащим именем Альберт, а называют меня короче – Алик. Враги зовут по-другому, чаще всего «Верная смерть».

В зеркале заднего вида я заметил, как Ева опять слегка улыбнулась, обозначив симпатичные ямочки на щеках.

– Очень литературно, – одобрил с переднего сиденья Толик. – Это из какого рассказа?

– В смысле?

– Ведь вы же писатель, да? Это цитата?

– Цитата, да. Из рассказа, – сознался я. – Не из моего.

Толик удовлетворенно кивнул.

Тоже интересный типаж. Не так бросается в глаза, как веселый Жора, но в его невозмутимости проглядывает явный фатализм ветерана, привыкшего не заглядывать вперед дальше очередной атаки. Он, похоже, в отличие от Багра, свою пайку жевал в казарме, а не в бараке.

Машина тем временем выбралась из Москвы. Я смотрел, как за окнами машины мелькают поля, перелески, дома и домики. Быстро мелькали. Ева и в более цивилизованных местах не слишком придерживалась ограничений скорости, а на трассе с небольшим движением вообще разошлась, летела за сто пятьдесят.

Водила она совсем по-мужски – мгновенно набирала скорость, резко притормаживала и обгоняла без колебаний. Пару-тройку раз мы проскочили мимо гаишников. Те явно обращали внимание на резвый джип, но, присмотревшись, волшебными полосатыми палочками не размахивали.

Все-таки хитрые номера... Кого же она мне напоминает? И что, интересно, связывает красивую птицу Еву и двух таких явных орлов, как Багор и Толик? – неторопливо размышлял я. Можно предположить самое простое, что обычно связывает мужчин и женщин, но не похоже. Интим между людьми всегда заметен, здесь его нет. Ева держала себя с парнями... можно сказать, в повелительном наклонении. Как атаманша.

Охранники, приставленные крутым мужем? Нет, сомнительно... Если присмотреться, проскакивают между ними чуть заметные искры сообщничества... Да еще бандиты с утра вместо завтрака, которые тоже здесь с какого-то бока...

* * *

Я не ошибся, за плечами у немногословного Толика действительно была армия – два года срочной и пять лет по контракту в роте разведки десантно-штурмовой бригады.

Прошел огонь и воду, и горячие точки, но медных труб так и не выслужил – его слова. Уволился по ранению.

В отношении смешливого Жоры я тоже оказался прав – он свои университеты постигал за колючей проволокой. Как он сам рассказал – по молодости да по глупости бакланил на улицах в компании пацанов и сел на четыре года за разбойное нападение. После тюремных университетов подался в рэкет. Дорос в группировке замоскворецких до бригадира и только тогда понял, что живет неправильно. Завязал жизнь в новый узел.

Все это ребята мне поведали, когда мы отмахали первую сотню км от Москвы и остановились перекусить в придорожном кафе. Словно представились, болтая вроде бы ни о чем. Я тоже рассказал новым знакомым несколько анекдотов из своей жизни, помянул даже неудержимо пьющего Голопяtko. Только Евгения-Ева ничего о себе не рассказывала, внимательно поглядывая на меня и на остальных круглыми, всегда будто чуть изумленными глазами Мицкель...

Ну да, когда мы вышли из машины перед кафе и я наконец увидел Еву не со спины и не в зеркале заднего вида, то вздрогнул невольно. Эти темные глаза, эти острые черты лица, немаленький нос клювиком, тонкая фигура с намеком на подростковую угловатость... Даже привычка в задумчивости теревить пухлую нижнюю губу – ее, Мицкель.

Она сразу почувствовала мой взгляд, глянула в ответ вопросительно. Я первый отвел глаза. Спросил у Багра что-то незначительное, ненужными фразами маскируя собственное смущение.

Очень похожа, очень! Наваждение!

Только я уже давно не Енрик... Я мысленно встряхнулся.

В кафе, стилизованном под бревенчатую избу и ею же являющимся, мы оказались единственными посетителями. Хотя на скорость обслуживания это не повлияло. Пухлая официантка в малиновом халате с желтыми ромашками несла нам кофе, яичницу и пирожки мучительно долго и трудно. Несколько раз нерешительно выглядывала из-за кухонной двери и снова пряталась, словно там, за дверью, забирала последнее изо рта голодных детей.

Далеко от Москвы, другой ритм жизни, соглашались мы, стараясь не раздражаться на ожидание. Может, так и надо – тихо, неспешно, практически не приходя в сознание?

– Знаете, Альберт Петрович, Николаю Николаевичу очень нравились ваши книги, – вдруг сказала Ева.

– Теперь знаю, – подтвердил я. – А какому Николаю Николаевичу?

Пусть я не Енрик, но смотреть на лицо Мицкель было приятно, сознаюсь.

– Да Скворцову же.

– Ага... (Вот привязалось нотариальное глубокомыслие!) Вы с ним были знакомы?

– Немного. Скальск – город маленький, там все со всеми знакомы, – прозвучало уклончиво.

– Вы там живете? – спросил я довольно глупо.

– Нет, живу я в Москве, – усмехнулась Ева. – В Скальске у нас дела. Небольшие.

Багор и Толик подтверждающе покивали. Дела, дела, у кого их нет, этих бесконечных дел. Я отхлебнул кофе с привкусом автомата.

– Странная история с этим наследством... – сказал я.

– Ваше «Утро фараона» Николаю Николаевичу особенно нравилось, – невозмутимо продолжила Ева. – Он три раза его перечитывал. Говорил, что именно этот роман помог ему разобраться в некоторых особенностях кастовых взаимоотношений той эпохи.

– Да, египтяне делились на касты по профессиям... Мне самому показалось, что роман получился, – не смог удержаться я. Как большинство авторов, я слишком легко расслаблялся, когда начинали гладить по шерстке.

– Николай Николаевич говорил, автор как будто видел своими глазами то, о чем пишет. Бытовые детали – выше всяких похвал.

– Творчество, знаете ли, это озарение особого рода... Скольжение между вымыслом и реальностью, где единственные путеводные нити – сюжет и стиль, а критерий – собственное чувство меры. – Я глянул на собеседников с пронзительностью живого классика. – Что же касается наследства...

– Николай Николаевич говорил, что при всей несомненной слабости романа, невнятной интриге и плохо прописанных персонажах, книга определенно заслуживает внимания.

От неожиданности я поперхнулся кофе и резко закашлялся. Коричневые брызги разлетелись широким веером. В основном – на меня самого, но и ребятам тоже досталось. Одна капля ляпнулась Еве на щеку, получилось совсем неловко.

Красавица вздрогнула, но сдержалась. Наградила меня выразительным взглядом, подчеркнуто неторопливо взяла салфетку из вазочки и аккуратно промокнула лицо.

Смешливый Багор громко кричал от хохота, невозмутимый Толик слегка улыбнулся, и даже официантка в халате расцвета абстракционизма на миг ожила в углу, огляделась недоуменно.

– Простите великодушно...

– Ничего.

– Нет, правда, извиняюсь...

– Ничего, бывает, я понимаю.

– А я читал вашу «Косую саблю», – сказал Толик с оттенком сочувствия. – В общем, интересно. Интрига, сюжет, персонажи – все вроде есть. Мне понравилось. В общем-целом.

– «Косу и саблю»! – мрачно поправил я, все еще отдуваясь.

– Ну да, точно. «Коса и сабля». А я-то еще думаю – почему такое странное название «Косая сабля»? Сабли же все косые, прямых не бывает...

Читатели! – подумал я.

– Читатели... – сказал я.

– Не скажите, – улыбнулась Ева. – Определенная часть молодежи все-таки читает книги.

– Определенная часть молодежи даже имеет шансы дожить до старости, – проворчал я с высоты своих сорока.

– Вы думаете? А как же безжалостный прогресс? Технологические ужасы современности?

Я беспечно махнул рукой:

– Как-нибудь... Поверьте мне, Ева, после нескольких эпидемий бубонной чумы даже на технический прогресс начинаешь смотреть без содрогания.

Она помолчала, перебирая салфетку тонкими пальцами. Смуглыми и маленькими, как у Мицкель. Может, правда, что каждому человеку дается только одна любовь, а все остальное – лишь поиск подобия. Во веки веков и во все времена...

– Страшно было? Ну тогда? – спросила она.

Я тоже ответил не сразу. Вспомнил пустые тесные улицы городков средневековой Европы, где привычный запах нечистот перебивала трупная вонь Черной Смерти. И колокольный звон – бесконечный, заунывный и безнадежный. Хоть и считалось, что колокольный звон отгоняет чуму, но верили в это все меньше и меньше.

– Страшно? Нет, я бы не стал употреблять это слово... Было хуже. Страх все-таки предполагает возможность каких-то активных действий, сопротивления, бегства, в конце концов. А там была обреченность... Гнев Божий пришел на землю не всадниками Апокалипсиса с огненными мечами, а неслышной, невидимой смертью, тяжелой и грязной. Кончался род человеческий, но совсем не так впечатляюще, без спецэффектов, обещанных в Писании... Историки сейчас удивляются, что в Европе после чумных эпидемий забыли половину ремесел, даже вязать разучились. На самом деле удивляться надо тому, что люди еще могли говорить, а не просто рычали.

– Да, конечно, – Ева передернула плечами, тряхнула челкой и глянула на тарелку с недоеденным пирожком, обрызганную моим кофе. Решительно отодвинула ее от себя.

– Николай Николаевич тоже написал книгу, – сказала она.

Я мысленно вздохнул. Это я уже проходил – сначала критикуют как оголтелые, потом втюхивают настоящий шедевр. На деле – такая махровая графомания, что скулы сводит. Читатели! Они же писатели. К сожалению.

– Интересно, – вежливо сказал я.

– Наверное, – согласилась Ева.

– Эту книгу никто не может найти, – пояснил Жора. – Как сквозь землю провалилась. Вот это уже действительно ново...

– А кто ее ищет? – спросил я.

Мне не ответили. Каждый сделал вид, что вопрос не к нему.

– Еще кофе, Альберт Петрович?

– Нет, спасибо!

– Тогда поехали.

– Двинулись, братва, – подтвердил Багор.

Вот и весь разговор. Маленький такой разговорчик. В сущности, ни о чем.

Хорошие ребята. Сдержанные, вежливые, книжки любят. Только хорошие ребята явно многое не договаривают. На тему наследства они вообще говорить не хотят, это видно.

Книга, значит... Ну хоть что-то конкретное.

Честно сказать, я уже о многом догадывался. Слишком долго живу, чтобы не сложить два и два. Просто пока я не торопился делать выводы.

3

К Скальску мы подъезжали по пустой дороге. Местность становилась все более гористой, по склонам живописно разбегались разлапистые сосны, остроконечные ели и трепетные березки. Красиво. Напрашивалось избитое сравнение – северная Швейцария, особенно если не вспоминать, что страна банкиров сама не слишком-то южная. Да, кстати, о школьном курсе географии – здесь же Валдайская возвышенность. Живописные виды всегда рождаются из контрастов и перепадов, глубокомысленно рассудил я.

Убаюканный плавным ходом машины, я начал откровенно подремывать, поэтому все дальнейшее случилось совсем неожиданно. Я не сразу сообразил, что зазвучали выстрелы. Показалось, где-то рядом вдруг заработал ополоумевший дровосек. «Что они здесь, совсем рехнулись, такую красоту рубить?» – успело мелькнуть в голове.

Ева по-девчоночьи взвизгнула, крутанула руль, машина резко вильнула, затормозила, пошла боком, остановилась совсем и начала заваливаться. Нас с Багром на заднем сиденье бросило в одну сторону, потом – в другую, потом разболтало и перемешало. Я скорее почувствовал, чем увидел, как долгую, томительную секунду автомобиль балансирует на двух колесах на краю обочины. Но все-таки не опрокинулся, шлепнулся обратно, металлически лязгнув подвеской.

– Быстро из машины! – напряженно выкрикнул Толик.

Мы посыпались. Воткнулись лицами в песок и траву. Замерли. И вдруг стало тихо. Как бывает на даче в приятный спокойный день, когда покачиваешься в гамаке под мелодичное щебетание птиц и жужжание насекомых. Летний день за городом... Хорошо на природе! Когда стрельба стихнет.

Жора первый приподнял голову:

– Подруга, я тебе уже не раз говорил – будешь ездить как самурай, кончишь как камикадзе...

– Ну, и что это было? – нервно перебила Ева.

– Стреляли, – коротко объяснил Толик.

– Спасибо за разъяснение! Нет, главное, я еду, а на обочине – как будто фонтанчики...

– Очередями били. Вон из того леса. – Ветеран тоже приподнялся.

– Нет, я спрашиваю, что это было?!

– Судя по звуку и скорострельности, автомат. Или пистолет-пулемет, – пояснил Толик.

– Но зачем?! Кто?! – не унималась Ева.

Толик пожал плечами. Жора хмыкнул. И все трое выразительно глянули на меня, словно я должен немедленно все объяснить. А я, между прочим, меньше всех понимаю. Спокойно себе лежу, разгребаю носом обочину...

– Стреляли, – подтвердил я. – Теперь не стреляют.

– А почему?

– Может, патроны кончились. А может, возникли более неотложные дела, чем пулять по проезжим.

– Очень остроумно, – проворчала красавица.

Я встал и начал отряхиваться. Всем своим видом показывая, что и рад бы сказать что-нибудь поумнее, да не получается. Остается компенсировать внутреннюю пустоту безукоризненным внешним видом. Хотя бы убрать грязь на пузе и репы из волос.

Репы выдирались больно и неохотно.

– А если партизаны? – задумчиво предположил Жора. – Местные, допустим... Нет, а что? Края здесь лесные, дремучие, сидят себе за кустами во всеоружии. А машины-то сплошь иностранные ездят. Захватчики.

Тут даже невозмутимый Толик подавился смешком.

– Точно! И при этом совершенно не курсе, что война с немцами уже закончилась, – саркастически подхватила Ева.

– Да я не про ту войну...

– А про какую? 1812-го, с французами?

– Нет, вроде бы не попали, отметин не вижу... – Толик тем временем обошел машину, что-то поковырял ногтем и похлопал по отливающему лаком капоту. – Не попали. Вот хотел бы я знать...

Но что он хотел, осталось неясным. В этот момент из-за поворота вырулил «газик» полицейской раскраски и, тарахтя, устремился к нам. Остановился.

Я заметил, как опытный Толик мгновенно отвердел лицом, как Ева оглянулась на ребят с некоторой растерянностью, как Багор скривил губы, напуская на себя лениво-презрительный вид, с каким, видимо, привык общаться с правоохранителями.

Впрочем, по первому впечатлению патруль не внушал опасений. За рулем – пухлый, белобрысый лейтенант полиции, с ним – два солдата внутренних войск. Мальчишки, которые все равно выглядят мальчишками, несмотря на каски, бронежилеты и автоматы.

– Извините, у вас закурить не будет? – на два голоса осведомились служивые.

Жора мстительно прищурился и не дал. Дал Толик, сказав что-то по поводу тягот службы. Пуская дым, солдатики охотно поддержали разговор о тяготах.

Полицейский лейтенант, не обращая внимания на свое войско, обошел нашу машину кругом. Внимательно осмотрел, склоняя голову то на один, то на другой бок. Бросались в глаза подростковая челка, смешной нос пуговкой и характерный румянец любителя выпить и закусить. Голубые глазки казались маленькими и сонными.

– Участковый инспектор Шестипальцев! – наконец представился он, козырнув, как отмахиваясь от мухи. Помолчал, добавил: – Хорошая у вас машина.

– Не жалуюсь, – согласился Жора.

– Участковый? – удивилась Ева.

– Ну да, усиление в районе. Всех выгнали на дороги, даже участковых. А чего, почему – начальство нам не докладывает, – словоохотливо рассказал он. – Времена-то сейчас какие, сами знаете, террорист на исламисте сидит и смертником погоняет. А тут еще в районе новые язычники объявились...

– Это кто такие? – заинтересовался я.

– Ну язычники. Как в древности. Только новые, современные, значит. Устраивают в лесах капища, рубят себе из бревен идолов и им молятся... Из Москвы, значит, едете? – перебил он сам себя.

Мы подтвердили.

– К нам, значит? В Скальск?

– Куда же еще? Здесь, кажется, одно направление – только в Скальск, – сказала Ева.

– Так-так... – Лейтенант, соображая, задумчиво почесал пухлую щеку. – Нет, почему только в Скальск – не только в Скальск... В Лошадиную Падь еще можно.

– А зачем? – отрезала красавица.

– В Лошадиную Падь-то? – снова задумался он. – А действительно, чего там делать? Там живут-то полторы калеки, да и те доживают... Вот Скальск наш – другое дело. Большой город, развивающийся. Населения уже двадцать тысяч. С гаком, – добавил он с ноткой местечкового патриотизма.

– Мегаполис, – хмыкнул Багор.

– Вот и я говорю...

Он опять замолчал, нимало не тяготясь очередной паузой. По всему видно, участковый инспектор не признавал спешки, особенно в служебное время. Он снял фуражку, рукавом

вытер вспотевший лоб, снова надел. Вид у фуражки был такой, словно на ней долго и сладко спали, потом наскоро выпрямили.

– Инспектор, мы можем ехать? Или у вас еще вопросы? – первой не выдержала Ева.

– Вопросы? Какие вопросы? – Лейтенант даже удивился, еще больше выкатывая голубые глазки. – Нет у меня никаких вопросов и не было... Едем – вы стоите, а чего стоят? – думаю. Может, думаю, что случилось? Может, авария какая? Чего здесь стоять-то, прямо посреди дороги. Ну и мы тоже остановились...

– Техническая остановка, – быстро объяснил Жора.

– Не понял...

– Мальчики – налево, девочки – направо.

– Ах, техническая... Теперь понял. Мальчики – это, значит, вы. – Инспектор сообразительно глянул на нас. – А девочки...

– Девочки – это я! – подтвердила Ева.

– Нет, ну мало ли... У вас же в столице... У вас там бывает, я видел по телевизору...

Красавица не дала ему снова пуститься в неспешные рассуждения:

– Всего хорошего, господин лейтенант!

– Так и вам всякого, – прозвучало вслед с некоторым запозданием.

* * *

– Ну и что вы обо всем этом думаете? А, мальчики? Идеи, версии, предположения? – спросила Ева уже в машине, быстро разгоняясь до прежней экстремальной скорости.

Может, правильно. Ввиду местных партизанских реалий лучше быть быстрой мишенью, чем медленной.

– Солдаты не стреляли, ручаюсь, – откликнулся первым Толик. – Я, когда их сигаретами угощал, стволы у них мало что не облизал – ни запаха, ни нагара. Почистить эти автоматы не помешало бы, но в деле они давно уже не были, тут я уверен.

– А участковый?

– Этот валенок? – скривился Багор.

– Фамилия у него интересная – Шестипальцев, – сказал я.

– Интересная! Чего тут интересного? Самая ментовская фамилия – Шестипальцев. Пять пальцев на виду, шестым незаметно прижимаешь купюру. Я таких ментов в свое время насмотрелся – им только старух-цветочниц по рынку гонять. Нет, это не вариант.

– Вы тоже так думаете, Альберт Петрович? – глянула на меня Ева.

– Думаю, к стрельбе на дороге бравадный наряд действительно отношения не имеет, – честно ответил я. – Хотя, сдается мне, у лейтенанта не только фамилия интересная...

– Что же еще? Прямые углы мозговых извилин? – насмешничал Жора.

– Кто все-таки стрелял? И зачем? – спросила Ева, не слушая его.

– Пока не могу сказать, кто, а вот зачем – понятно. Предупреждали, – рассудил я.

Прозвучало не слишком внятно, но я не стал продолжать. Они, между прочим, тоже. Не поинтересовались хотя бы ради приличия – кого и о чем. Так что в Скальск мы въехали молча. Задумчиво.

Городок показался мне симпатичным. Одно-этажные домики окраины тонули в густых садах, улицы карабкались вверх и сбегали вниз. Еще бросилось в глаза множество церквей, беленые стены и золоченые купола постоянно мелькали среди зелени. Не новодел, все старинные, отметил я. Пожалуй, для небольшого городка – даже слишком много.

Ближе к центру пейзаж стал более урбанизированным. Протянулись какие-то заводские корпуса и трубы, россыпь старых блочных пятиэтажек оскалилась на склоне оврага, как плохие зубы. Потом новый широкий мост с фонарями под старину привел нас к выложенной крупной

плиткой площади с клумбами и узнаваемой лобастой головой на постаменте. Площадь венчало серо-бетонное здание с переизбытком вертикальных граней, в которых явно просматривался намек на былое покорение космоса. Или дворец культуры, или администрация. Приятный городок, в общем. После Москвы непривычно много зелени, а людей и машин на улицах, наоборот, мало.

И зачем я здесь? Риторический вопрос, конечно.

Скоро джип притормозил на одной из улиц, возле старого трехэтажного здания с подтеками на фасаде. На одном из подъездов я заметил красную вывеску нотариата.

– Марксистская, 6, – объявила Ева. – По навигатору мы на месте.

– По визуальному наблюдению тоже, – подтвердил я. Взялся за свой рюкзачок.

С ребятами я попрощался за руку, с Евой церемонно раскланялся. Этакая вежливость случайных попутчиков: «Спасибо-пожалуйста... Всегда рады... Приятно было познакомиться... Еще увидимся, можно надеяться... Большое спасибо, что подвезли...»

Вообще-то, я до последнего думал, что они не уедут. Не может быть, чтобы все так просто – подвезли, высадили, помахали ручками на прощанье. Нет, я могу допустить, что солнце – фара корабля пришельцев, что динозавры не вымерли, а спят подо льдом за полярным кругом, что Сталин – снежный человек, встреченный Лениным в сибирской ссылке и сгоряча распропагандированный в марксизм, но в то, что эта лихая троица ко всему происходящему не причастна – нет, не верилось... Поэтому, когда синий джип газанул и быстро скрылся за перекрестком, я был, мягко говоря, удивлен. Ладно, не все сразу...

Закинув рюкзачок на плечо, я отправился знакомиться с голосистым нотариусом. С Максимом Евгеньевичем Храповым, если не путаю.

4

Скальск, двадцать лет назад

В свои семнадцать лет он еще никогда не убивал людей, но догадывался, что это будет не сложно. Топор опускается на объект с достаточной силой и скоростью – чистая механика, физика для восьмого класса. По которой, помнится, он не слишком-то успевал, хотя на годовую пятерку все-таки вытянул. «Ставлю тебе условно, Север, – сказала тогда физичка. – Только потому, что ты – это ты».

Да, он – это он. Даже бестолковая Чекушка, училка Чекалина, задержанная жизнью без мужика с двумя детьми, понимала, что он особенный. Интуитивно чувствовала могучую пульсацию его Дара.

Простая механика убийства... Дар призывает. Требуется действий. Именно так он растет, развивается, становится неодолимой силой, тайфуном, способным перетряхнуть все это затхлое окружающее!

Раздеваясь до плавок на берегу Ухры, Север чутко вслушивался в шорохи-шепоты светлой июньской ночи. Нет, никого вокруг. Да и откуда? Вокруг лишь непролазный кустарник, осока и хлюпающие под ногами кочки. Еще комары, сволочи, жрут, как с цепи сорвавшись... Зато напротив, на другом берегу – коттеджный поселок скальской верхушки. Фигурные лесенки с лакированными перилами, узорчатая плитка дорожек, ухоженный пляж из насыщенного песка. Вокруг аккуратных причалов с пестрыми флагами покачиваются на мелкой речной волне катера и водные мотоциклы. Жизнь как с картинки. Только комары, заразы, и там жрут, усмехнулся он. Июнь, их законный месяц...

Север вдруг вспомнил, как когда-то, совсем мальцом, убил из рогатки кошку. Не хотел убивать, но тварь пушистая сама напросилась, истошно мявкая на высокой ветке березы. А рогатка новая, только что сделанная, резина поет, когда натягиваешь. И в руке не случайный корявый камень, стальной подшипник – увесистый, до блеска отполированный, обещающий замечательную точность выстрела.

Попал – хвостатая даже не пискнула. Рухнула с ветки, вытянулась безжизненно и осталась валяться среди корней выброшенным воротником старой шубы. Убить легко! – это он тогда понял. И запомнил, как сам потом удивлялся нерациональности своего поступка. Зачем? Минутное удовольствие, а если бы кто увидел и настучал, огреб бы по полной. Кошка была завхоза, этот одинокий старпер с нее пылинки сдувал. Вредный дед, вспоминал бы потом годами.

Сколько тогда исполнилось Северу? Немного, лет шесть-семь, не больше. А он уже был умным. Понимал, что такое рациональность, противостояние, антагонизм и еще многое не простое, для взрослых. Он вообще рано начал читать, быстро перейдя от азбучных мишек-зайчиков к толстым, серьезным книгам. Директор их детдома Сан Фёдыч выделял его ум. Даже сказал как-то, прищелпывая сиреневыми губами сердечника: «Станный ты парень, Север, честно тебе скажу. Не простой, нет... Думаю, выйдет из тебя или великий человек, или же редкостная сволочь...» Подумал при этом: «А может, то и другое вместе, так часто бывает – когда вместе...»

Тоже осталось в памяти. И слова, и мысли директора. Эту свою особенность – слышать мысли других людей – он к тому времени уже осознал. Перестал удивляться, почему остальные не ощущают того, что прячется за завесой слов. Влиять на чужие мысли – нет, не научился еще. Подталкивать их в нужном для себя направлении, бить по ним собственными желаниями, как бьют кием по бильярдным шарам, – это умение пришло позднее, с появлением первых волосков ниже живота и влечения к женщинам.

Дар в развитии! Свидетельство его избранности, прозрение одного среди миллиардов слепцов!

Обычным людишкам этого не понять, не дано, еще мальчишкой уяснил Север. Им, в сущности, ничего не дано, кроме примитивных желаний, скотских удовольствий и потребности подчиняться сильному. Пусть они, обычные, подозревают, чувствуют рядом с собой существование другой, высшей силы, пусть защищаются от нее, придумывая себе добрых божков, пусть бьют поклоны и палят свечи перед раскрашенными деревяшками, – правды им все равно не узнать. Не уложится в их куриных мозгах, что та Сила, которую они называют Богом, и та, которую, вздрагивая, зовут дьяволом – суть одно. Две стороны медали, два лика одной, беспощадной и неумолимой Силы. Только так можно объяснить всю путаную, кровавую историю человечества – для высшей Силы нет разницы между добром и злом. Не чувствует она этой разницы, как человек не чувствует разницы между правым и левым глазом.

Знание избранных! Оно спустилось к нему внезапно, как озарение. Просто проснулся среди ночи в детдомовской спальне, полежал, послушал сонное бормотание пацанов и вдруг отчетливо понял – можно все, если ты служишь Силе! Если ты выбран ею, если у тебя хватает решимости на это все!..

Сколько ему тогда исполнилось? Тоже немного, одиннадцать-двенадцать, не больше. А он уже был не просто умным, он начал становиться великим.

Можно все! Как легко и просто стало с этой опьяняющей мыслью... Это пусть серая булькающая масса людишек придумывает себе правила, пишет законы, успокаивается моралью и рассуждает о совести. Их жизни ничуть не дороже той кошки, оставшейся в копилке воспоминаний великого человека. Кошка, по крайней мере, ему не мешала. Вот приемные родители Закраевские – мешают. Мешает брат Игорь... Нет, не сводный, как-то это называется по-другому, даже не седьмая вода на киселе, совсем уж непотребная жижа. Вроде того супа, что начали готовить в детдоме, когда Стерва, старший воспитатель Стелла Равильевна, подсидела Фёдыча и выпихнула на пенсию.

Старый директор тюфяк, конечно, но и новая директриса была примитивна как табуретка в своей оголтелой алчности. Север слышал, спустя год после его усыновления семьей Закраевских Стерве все-таки прищемили задницу Уголовным кодексом. Не посадили, откупилась как-то, но с хлебного места дуру-бабу выкинули.

Человеческая глупость вообще забавна в своей непробиваемой самоуверенности. Взять тех же богачей Закраевских – они ведь появились в детдоме с намерением усыновить красивую девочку пяти-шести лет, этакую куколку на показ, дань моде на благотворительность среди чиновников. В результате получили почти взрослого двенадцатилетнего парня. «Зато мальчик умный, отличник», – говорили потом друг другу его новые предки, оба недоумевая в глубине души. Их куриные мозги, утонувшие в жире самодовольства, ему пришлось не то что подталкивать – лупить по ним силой собственного желания, как кувалдой.

Это был первый раз, когда он по-настоящему, во всю мощь проявил свою скрытую силу. И победил, потому что второго шанса войти в семью городской элиты могло не случиться. Жизнь вообще не слишком богата на счастливые шансы, поэтому каждый из них нужно разыгрывать вдумчиво, как партию в шахматы, – к двенадцати годам он это уже понял...

Спрятав одежду, Север вошел в реку, оскальзываясь на илистом мягком дне. Оттолкнулся, поплыл. В воде было теплее, чем на воздухе, река хорошо прогрелась за жаркие дни.

Плыть старался спокойно, неторопливо, сохраняя дыхание. Теперь главное – все делать спокойно. Сохранять дыхание. Цезарь перед Рубиконом тоже, наверное, не пыхтел, как обожравшийся мерин. Поэтому и остался в истории символом власти. Наверняка тоже обладал Даром. Хотя скорее его зачатками. Кончил все-таки плохо – откровенно обкакался со своими бруттами-неттами. Как начинал оловянным солдатиком, таким и остался...

Думая об этом, Север улыбнулся, фыркнул, невольно хлебнул воды с привкусом тины. Долго отплеывался. Ему было хорошо и легко. Ночь, река, сонная беззащитность домов на

том берегу, и он чувствует себя сильным, без преувеличения – всемогущим. Как молодой бог, еще не наигравшийся с вечностью.

Viva Цезарь – мы тоже придем, увидим и победим! И не наследим чрезмерно... Уже полгода газеты пишут о «Тверском мяснике», вырезавшем несколько семей в пригородных коттеджах областного центра. Преступление психа, с расчлененкой, кровавыми брызгами на потолке и без намека на какой-либо след. А Тверь не так далеко отсюда, почему бы ради разнообразия мяснику-любителю не объявиться в Скальске?..

Выходить из воды оказалось холодно. Он постоял немного, обсыхая, потом двинулся к тайнику, где были спрятаны небольшой топорик и прорезиненный комбинезон.

Теоретически территория коттеджного поселка, без выдумки именуемого в городе «Царским селом», просматривалась с пульта охраны. Но маршрут был просчитан заранее, прожив здесь пять лет без малого, он хорошо знал все слепые зоны. Треть видео-камер уже не работает, между прочим. Охрана от безделья совсем обленилась, тоже плюс.

Проникая в дом через окно кладовой, где он предусмотрительно подклинил щеколду еще пару недель назад, Север думал о том, как охрана и милицейские завтра забегают здесь табунами. Интересно было бы посмотреть, жалко, не получится. Он ведь сейчас не дома, а в летнем лагере с углубленным изучением английского в тридцати километрах отсюда. К тому же лежит в медбоксе с легкой простудой и даже случайно заперт рассеянным доктором. Заперт – уж точно на всякий пожарный. Алиби.

* * *

Часа через два Север плыл обратно. Опять улыбался. Вспоминал, как легко разрубил топор мускулистую шею брата-самбиста. Игорек, плейбой скальского разлива, приклатненный качок с начинающимся алкоголизмом, родной сын Закраевского от первой жены, так и умер во сне дурак дураком. Он с удовольствием вспоминал недоумение и ужас на лицах проснувшихся папы Семы и мамы Инги. Самое забавное – они, бедолаги, даже не поняли, кто и за что их убивает. Черный силуэт в темноте, лезвие топора – вот и всё. Еще одно подтверждение его исключительности – Север видел ночью почти так же, как днем, предусмотрительно скрывая это ценное качество. Так что никаких фонариков не понадобилось, пришлось семье Закраевских умирать в темноте и неведении, усмехался он.

Как ожидалось, убивать легко и приятно. Грубая, простая механика. Вот она, формула власти – голая сила, приложенная в правильном направлении. Все остальное – лишь красивый орнамент, букет условностей, который людишки называют политикой.

Именно что голая! В одних плавках, слегка забрызганных кровью, улыбнулся он, выходя из воды на берег. Поджимал губы и напрягал мускулы, стараясь унять дрожь тела. Замерз, ночные купания все-таки холодны даже летней ночью.

Впрочем, когда он оделся и побежал к спрятанному велосипеду, начал согреваться. Стало жарко, когда он нажимал на педали, уверенно рулил по темным лесным тропинкам, где без ночного зрения сломаешь и шею, и технику. И весело, очень весело! Он, пожалуй, еще никогда не чувствовал такого подъема. Первое препятствие его планам успешно устранено. Впереди жизнь – большая, великая, интересная!

* * *

Убийство семьи Семена Натановича Закраевского, заместителя мэра по экономике и торговле, сильно взбудоражило тихий городок Скальск. Больше, конечно, взволновалась элита города. Ведь дело даже не в том, что убили. И в Скальске, бывало, и стреляли, и резали не хуже, чем в Твери, Питере или самой Москве. А уж Сема Закраевский, который еще при советской

власти пролез в инструкторы отдела потребительского рынка горисполкома, крутил дела всегда и везде. Кого убивать, если не его, – жучара такой, что клейма негде ставить. А уж в новые времена Натаныч разбогател так быстро и нагло, что многие на него зуб точили. Но как убили – вот в чем суть!..

Опера рассказывали: когда наряд приехал по вызову охраны поселка, дом Закраевских гудел от мух. На кровь, разбрызганную по необъятным метрам элитной недвижимости, эти твари слетелись в неимоверном количестве. И самого Натаныча, и жену Ингу собирали мелкими частями тел в трех комнатах плюс коридор. Сын Игорь, которому просто отрубили голову – умело так, с одного удара, – по сравнению с ними выглядел практически не пострадавшим.

Словом, тем, кто видел, – лучше б не видеть! – вспоминали потом оперативники. Голливудские кошмары на улице Вязов и прочие пляшущие мертвецы после того зрелища отдыхают. Работа явного психа с напрочь снесенной башней. «Тверской мясник»? Возможно, возможно... Напрашивается, в самом деле...

Мэр города Афанасий Никитич Гаврилюк метал на местном телевидении громы и молнии. Да, криминогенная обстановка в районе оставляет желать, как и вся страна в целом, да, живем в непростое время, и многие даже без денег, но это уже, дорогие сограждане, ни в какие ворота! Чтобы таких людей, как уважаемый Семен Натанович, уважаемая Инга Юрьевна и Игорь Семенович, тоже где-то весьма уважаемый, – дело чести и, простите за выражение, совести нашей! – грохал он увесистым кулаком по телестолу, от чего изображение на экранах ошутимо вздрагивало.

В молодые годы Гаврилюк начинал прорабом на стройке и до сих пор сохранил яростный темперамент и вопиющее, заковыристое косноязычие. Нет, в глупости его не обвиняли даже враги, просто галоп его речи оставлял далеко позади мелочность связей между словами и предложениями. Особенно лихие цитаты «из мэра» ходили в городе наравне с анекдотами. Недруги по избирательным битвам часто пеняли на это, сам Гаврилюк считал по-другому. Если он не боится быть смешным, значит, ничего не боится, понимать надо!

Рядовые горожане восприняли кровавое убийство не так однозначно. С одной стороны, беда, никто не спорит, но с другой – есть здесь даже какая-то справедливость. Ведь не кого-нибудь грохнули – Закраевского. Сема всю жизнь хапал, словно вечность себе намерил, и жена его эта новая – красавица на букву «б», и сынок-бугай, дурной и наглый как боров... Вот сироту, приемыша, мальчика тихого и незаметного, словно Бог уберег. Он в это время был в летнем лагере, далеко от города. Вот и задумаешься после такого – может, и правда есть там кто-нибудь наверху, не просто же так мы все здесь ходим!..

Потом разговоры начали затихать. Гаврилюк, появляясь перед избирателями, теперь отделялся неопределенным: «Идет следствие, вмешиваться мы не вправе». Со стороны мэра, привыкшего вмешиваться в каждый чих в городе, это значило только одно – следствие идет, но никуда не приходит. А потом громкое убийство вообще перестали поминать, произошло еще более резонансное событие: рухнула крыша нового спортивного комплекса, на строительстве которого нагрели руки многие из городской верхушки. Никто, к счастью, не погиб, но более трех десятков посетителей получили травмы.

«Что делать! Когда нечем подпереть крышу, мы вынуждены опереться на свод законов!» – строго, но не очень понятно прокомментировал Гаврилюк. Положение его было щекотливым, генеральным подрядчиком строительства комплекса выступала фирма зятя мэра, мужа старшенькой. «Приходится теперь сидеть между двумя стульями третьей жопой», – сетовал Гаврилюк среди близкого окружения. Окружение, давно привыкшее к начальственному языкотворчеству, понимало правильно.

Убийство семьи Закраевских так и осталось числиться в нераскрытых. Мальчик Север, уцелевший божьей милостью сирота и единственный наследник состояния папы Семы, вскоре

уехал учиться в Москву, что-то вроде бы по экономике. Умный мальчик, отличник был, говорят. Даст Бог, не пропадет...

5

– Ну, значит, взял я с собой Леху Федорова, и поехали мы на дачу к Ханькину, – рассказывал Бабай. – Хорошая дача, врать не буду, и место хорошее – воздух, сосенки кругом. И банька легкая, липовая... Ну шашлычки, выпить-закусить – все дела. Да... Попарились, значит, по паре-тройке стопарей врезали, сидим на веранде, чайковским коньячок лакируем. А стемнело уже, мошкара крутится, и луна такая полная, яркая, как в кино про вампиров показывают. Да... И тут открывается дверь, а на пороге – мужик с топором! Слушай, сосед, говорит – помоги-ка труп закопать, здоровый, черт... Мы с Лехой аж рты разинули. А Ханькин – ничего, засуетился, засобирался: «Помогу, конечно, как не помочь». И нам, главное дело, объясняет: «А что, у нас тут всё по-простому, по-соседски, все друг другу помогают...» Леха, значит, прищурился, как мышь на амбар, и осторожно так спрашивает: что, мол, часто помогаете? «Да всегда! У нас все по-простому, по-доброму...» «И что, многих уже от доброты прикопали?» – спрашивает Леха. Ну тут и я не выдержал, как заржал...

Нет, ничего такого. Оказывается, собака у соседа подохла, мраморный дог, старый уже был. Тяжелая собачатина, мясом кормленная, одному – никак... Нет, ну главное, ночь, луна, и этот с топором входит... А Леха, приколыщик...

Бабай, все еще вспоминая, коротко хохотнул. Покосился на собеседника.

Закраевский не улыбнулся, даже лицом не дрогнул. Равнодушно смотрел в окно.

С тридцатого этажа башни Москва-Сити, где располагался ресторан «Вершина», вид открывался до самых спальных окраин, тонувших в голубой дымке. Если смотреть сверху, отстраненно, вид действительно ничего себе, мельком подумал Бабай. Люди – как точки мушиного дерьма, дома – коробки, на серых лентах шоссе толпятся разноцветные игрушечные машинки. По летнему времени народа в столице вроде бы поубавилось, но все равно пробки. Город. Муравейник и есть муравейник – только челюсти кругом шелкают...

Бабай гулко откашлялся. Покрутил толстой шеей. Непонятно, слышал его Закраевский или нет. Раздражающая манера Севера – смотреть мимо собеседника. Впрочем, когда смотрит прямо – это еще хуже.

Глаза у Закраевского необычные. Зеленые, но при этом разные. Левый – тусклого цвета болотной тины, правый – яркий, почти изумрудный. Встречаясь с ним взглядом, поневоле теряешься, никак не можешь ухватить разницу вроде бы одинаково зеленых глаз.

Хотя дело даже не в этом. Тяжелый у босса взгляд – это точно. Давит на плечи, как рюкзак с кирпичами.

– Дурак. – Закраевский, наконец, оторвался от панорамы, глянул на него мельком.

– Леха-то? – придурковато прищурился Бабай. – Ну, шеф, зачем же сразу так-то... Ну не Аристотель, конечно. Но и не так чтоб уж совсем...

– Я не про Леху. – Север, наконец, усмехнулся. По-своему, едва уловимой судорогой губ и щеки.

Скривился, как сатана на алтарь, мелькнуло у Бабая. С Севером и сравнения-то получаются все больше библейские. А что, разные глаза – признак дьявольщины, по всем древним канонам. Не захочешь, а вспомнишь об этом, встретившись с Севером Семеновичем Закраевским, референтом министра финансов России, владельцем одного из крупнейших в стране банков, многих добывающих компаний, перерабатывающих заводов и еще кучи всякого прибыльного, вплоть до популярной пасквильной газетенки, желтой, как гепатит.

Бабай сделал вид, что до него наконец-то дошли слова босса. Он шумно поскреб щетину, потупил глазки и шмыгнул носом. Конечно, маленького человека обидеть каждый может. Ему, маленькому человеку, в большой жизни сложно и неудобно.

Бабай, он же – Антон Игоревич Бабайцев, генеральный директор охранного агентства «Нас рать!» (когда-то придумал название в порыве похмельного вдохновения), любил прикидываться таким простецким парнем, недалеким, как пень, зато своим в доску. Огромный, всегда небритый, он неделями не менял линялые толстовки и старые джинсы, привольные в пузе. Жизнь на три буквы «Б» – бабло, бабы, бутылки. Сказать кому, что в молодости он написал диссертацию по государственному устройству Руси времен Бориса Годунова – эти кто-то немало бы удивились. «Бабай? Да у него в голове полторы извилины, да и те от горла к желудку!».

Многие покупались на его маску. Только не Закраевский. Этот знал и про диссертацию, и про многое другое, чего, казалось бы, никто знать не должен.

Странный он, Север. А сказать честно – страшный!

До встречи с Закраевским Бабай искренне полагал, что его в жизни уже ничто не может испугать. Это его-то, Бабая?! Это теперь-то, когда за плечами путь из рядовых быков рыночного рэкета в пахана с собственной фирмой? Да что ему бояться, когда всем наелся, когда не радуют даже бабло-бабы-бутылки, когда по утрам просыпаешься с вялым, стариковским безразличием к новому дню. Но Закраевского он испугался сразу, интуитивно. Точно так же в горах Средней Азии молодой пограничник Антоша Бабайцев, залетевший «в сапоги» после нехорошего происшествия в аспирантуре историко-архивного института, так же интуитивно боялся змей. Больше всего боялся именно змей, хотя на путях крепнущего наркотрафика солдат поджидали куда более весомые ужасы.

Этот иррациональный, безотчетный, но не оставляющий страх его самого злил. Заставлял ершиться в глубине души и вслух ерничать, подпуская Разноглазому мелкие шпильки, вроде дурашливого рассказа про соседа с топором. Как шпана, показывающая кукиш в спину менту, сам понимал...

Север ковырнул ложечкой творог в хрустальной розетке.

– Хорошо, Антон, – сказал он. – Душераздирающую историю про собачий труп я внимательно выслушал. Если ничего столь же занимательного у тебя нет, давай попробуем перейти к делу. – Он аккуратно положил в рот небольшой кусочек. Прожевал не спеша. Проглотил.

Бабай покорно следил, как питается олигарх.

Пижон! И говорит всегда, словно пишет, и ведет себя, как позирует. Костюм – ни морщинки, узел галстука – ровно по центру, к штиблетам как будто грязь не пристает никогда.

И что в нем такого, кроме денег? Роста среднего, присмотреться – так ниже среднего, при ходьбе кособочит, переваливаясь по-утиному. Волосы – соль с перцем, лицо скуластое, без выражения, да еще в каких-то пакостных пятнах и рябинах. Словно у деревянного идола, которого взяли было шлифовать, да бросили на половине, оставив сучки и зазубрины. Вот разве что глянет своими сверлящими буркалами – словно душу из тебя вынимает...

Обедает он! Тоже понты, обедать диетическим творожком в этом сверхдорогом ресторане наверху небоскреба, где простое яйцо продают по цене Фаберже.

Бабай подумал это и тут же заторопился ответить, словно Север мог прочесть его мысли. Или правда мог? Кто знает... Иногда Север, опережая невысказанное, отвечал так, словно уже услышал вопрос. И в животе всякий раз нехорошо сжималось.

– Так вот, босс, по делу... Значит, Скворцов Николай Николаевич, учитель истории, нигде не замечен, ни в чем не замешан, со всех сторон такой положительный, что поневоле заподозришь в педофилии. Шучу, босс...

Закраевский не отреагировал, и Бабаю пришлось неловко улыбаться в одну... в одно лицо. Ладно, нас, кабанов, помоями не испугаешь, подумал он. Рядом с олигархом все время чувствуешь себя дураком, се ля ви.

– Вот вышел учитель на пенсию раньше срока, оформил инвалидность как сердечник. Первое время все больше дома сидел, книгу писал. Ну и, конечно, крутил со своими шизи-

ками-эзотериками... А два года назад вдруг продал квартиру в Москве и купил дом в Скальске – совсем, похоже, рехнулся от своей эзотерики. Прикинь, шеф, это из Москвы-то ехать в чертову жопу...

Север чуть заметно поморщился. Бабай понял правильно: рассуждения босса не интересуют, повторение известных фактов – тем более. Торопливо продолжил:

– Переехал, значит. Как ты, шеф, еще тогда приказал, в Скальске мы его продолжали держать под наблюдением. Аккуратно, чтоб не почувствовал, ты сам приказал. Ну и переаккуратничали маленько. Рукопись Скворцов куда-то заныкал. А как взялись спрашивать... – Бабай прищелкнул языком и усмехнулся.

– Зря смеешься, – жестко сказал олигарх. – В том, что случилось, Антон, твоя вина.

– Ну, шеф, тут правда... Как-то так получилось... – немедленно начал оправдываться Бабай. – Ну кто ж знал, что у него сердце, в натуре, такое слабое? Пенсионеры эти, они же без конца жалуются, а сами, как лоси, копытят по распродажам... Зуб даю, босс, мы с Лехой Федоровым учителя даже по морде ни разу не приложили, только втолкнули в комнату, не на улице же с ним калякать. А у него – сердце. Взял старый и прямо на глазах дубаря врезал. Как назло, гад!

Он скорчил рожу. Мол, повинную голову и меч не сечет, не со зла, начальник, от избытка старания токма...

Олигарх помолчал, без выражения глядя куда-то в сторону. Бабай шумно сглотнул. Хотелось откашляться, но он не решился, стерпел. Эти паузы, когда Север так молчит – хуже нет.

– Ладно, что сделано, не переделаешь, – сказал наконец Закраевский.

Бабай почувствовал, внутри отлегло немного. Закивал с охотой – верно, не переделаешь, с покойника взятки гладки. Как сказал бог Универсам: «Мертвые скидок не имеют!»

– Дом обыскали?

– А то! Не сразу, правда, там местный участковый Шестипальцев поблизости замаячил, пришлось линять огородами. – Бабай хмыкнул, вспомнив, как они с Лехой продирались через крапиву и гнилые заборы. – Потом обыскали два раза, вытряхнули как наволочку. Первый раз ребята старались, второй... ну тут уж я сам шарил, потряхнул стариной. Ничего, в общем, не нашли мы никакой рукописи. Ни следа, шеф! Ни черновиков, ни набросков – ничего. Компьютер его мы тоже не нашли. Хотя был компьютер, это я точно знаю, небольшой такой ноутбук в коричневом чемоданчике.

– Внимание не привлек, надеюсь? Без криминала на этот раз?

– Обижаешь, шеф! Криминал, скажешь тоже... Вот у них водкой в магазине местном торгуют, «Березонька» называется – вот где криминал-то. До сих пор как вспомню – так вздрогну, такая паленка голимая – спаси-сохрани! Я б за такую отраву сразу давал расстрел без права переписки, точно говорю. А ведь пьют, сволочи, и не даются. Крепок народ наш, ох крепок... – Бабай ухмыльнулся. – Можно вопрос, шеф? А зачем...

– Нельзя! – отрезал Север.

Звякнул чашкой, ставя ее на блюдце, и резко повернулся к нему.

Бабай от неожиданности поперхнулся, по-мышинному вильнул глазами. Всего-то хотел спросить, зачем всесильному Закраевскому, который в администрации президента двери пинком открывает, книга какого-то пенсионера-учителишки? Если уж Закраевскому нужны книги, купил бы себе библиотеку. Хоть Ленинку бы купил, денег хватит небось.

Законное любопытство, между прочим, мысленно подбодрил Бабай сам себя. Солдат, по Суворову, должен знать свой маневр. Третий год он слышит про эту книгу Скворцова, а о чем она – до сих пор не знает. Ведь могли же, нашли бы возможность хоть частями скопировать – нет, шеф не велел. Сказал – близко не подходить. Мол, учитель сразу почует, что текстом интересовались. Нашел тоже Кашпировского на покое...

«Вот и ищи теперь черную кошку крошечной ночью в темной собачьей будке!» – зло подумал Бабай, для облегчения души добавив матом.

– Солдат, Антон, должен знать, сколько ему положено, – насмешливо бросил Закраевский. – Иначе он перестанет быть солдатом и захочет стать генералом. А переизбыток генералов – так же плохо для армии, как недостаток солдат.

Бабай вздрогнул. Опять дьявольщина какая-то. Аж серой припахивает! Нет, не думать об этом...

– Думать, Антон, всегда надо, – прозвучало еще насмешливее. – Вот думать много – это действительно вредно. Я плачу тебе не за мысли, а за со-образительность. Понимаешь разницу?

– Понимаю, шеф... – Бабай далеко не все понимал, точнее мало что, но уточнять не решился.

– Ну, говори, говори, – поторопил Закраевский. – Я же вижу, у тебя еще что-то есть.

– Дык есть, возникла тут одна загогулина... Словом, объявился наследник у нашего покойника.

– Наследник?

Бабаю показалось, что олигарх вздрогнул. Нет, показалось, конечно... Это нешлифованное лицо деревянного идола просто не способно на обычную мимику.

– Наследник, шеф, – повторил он. – Оказывается, незадолго до смерти Скворцов был у нотариуса и составил завещание. Дом и счет в банке завещан некоему Альберту Петровичу Обрезкову.

– Кто такой? – Север брезгливо шевельнул губами, оттолкнул от себя розетку с творогом, достал из золотого портсигара короткую толстую сигару, прикурил от золотой зажигалки. Любит золото, знал Бабай. И сигарный табак крепости рака легких.

Курение в ресторане, конечно, запрещено, но кто и что может запретить Северу? То-то официант безропотно устремился через весь зал с пепельницей, которых здесь якобы в помине нет.

Бабай покосился на завиток вонючего табачного дыма, вздохнул завистливо. Что позволено Юпитеру... Он подобрался и начал докладывать:

– Личность этого Обрезкова я пробил, разумеется. 39 лет, русский, москвич, не судим, образование – высшее, факультет журналистики МГУ. Разведен, живет один, работает в рекламной конторе, пишет заказные статейки про всякие товары. Кроме того, написал пару книг, писатель, значит. Не шикует, но и не бедствует вроде. С виду – молодежавый, следит за собой, кефир-гантели, все дела. Соседи рассказывают – скромный, интеллигентный, вежливый, всегда первым здоровается. Бывает, друзья приходят – выпивают-закусывают, случается, проشمандовка какая-никакая заскочит переночевать верхом на палке, все-таки один живет. Но – без эксцессов, культурно все. В общем, обычный мужик.

– С соседями его успел переговорить? Молодец, – кивнул Север.

– Стараемся, шеф. Сам-то я светиться не стал, по квартирам Лека Федоров прошелся со своей липовой ментовской ксивой. Ничего, сошло, Лека говорит, никто не присматривался, разговаривали охотно. Там дом не бедный, но и не сильно богатый, в основном отставная интеллигенция. Из тех, у кого дети-внуки в бизнесе, устроили жить по-человечески на старости лет...

Бабай замолчал и задумчиво поскреб небритую щеку. Север, неторопливо выпуская дым, смотрел теперь прямо на него. Под этим взглядом, как всегда, хотелось стать меньше и незаметнее.

– Так что же тебя в нем не устраивает? В таком обычном и незаметном?

– Да есть кое-что, босс. Даже не знаю, как сказать... Значит, так... Есть в его биографии кое-что непонятное. С первого взгляда вроде бы все обычно – родился, учился, служил, опять учился, работал, женился-разводился. Писал статьи, книги – в общем, мышь бумажная.

А странности вот какие – после окончания журфака наш фигурант не побежал, как все его однокурсники, устраиваться работать в какую-нибудь желтую прессу, поливать грязью просторы Родины, а неожиданно умотал за границу. И не было его в стране года четыре. Потом вернулся, купил квартиру, к тому времени совсем не дешевую...

– И что? Может, на заработки ездил?

– Если бы! Таксёрил бы где-нибудь в Штатах или в Германии – было бы понятно. Я тут узнал через верных людей, что за границей он вообще не работал. Болтался по миру, как говно в проруби. Африка, Ближний Восток, Азия, Австралия, Новая Зеландия, Южная Америка – наш пострел везде поспел. Зачем, для чего? На какие шиши, в конце концов? Такие вояжи поперек шарика – дело-то не дешевое, сам понимаешь, шеф. А он себе ни в чем особо и не отказывал – перелеты первым классом, отели пять звезд, машины напрокат. Откуда, спрашивается, дровишки, из какого-такого леса?.. И это еще ладно, об этом его вояже хоть что-то известно. Но он потом еще три раза уезжал за границу, тоже на год, на два. Вот об этих поездках – вообще никакой информации, уехал и растворился. Потом опять выныривает, как хрен из бублика... Короче, шеф, невнятный получается у нас человечек, хотя вроде весь на виду. Мутный какой-то...

– Спецслужба? – быстро спросил Закраевский.

– Нет, этих я бы уже вычислил. Я сначала тоже подумал – спец или с криминалом связан. Даже проверил через свои каналы – нет, не то... Зуб даю, шеф, не спецслужбы, не криминал, ничего похожего... Приятель наш сам по себе. Даже как-то слишком сам по себе, вот это меня настораживает... – Бабай опять замолчал. Шумно выдохнул, слегка развел огромными ручищами, скромно потупил глазки. Вот, доложил все как есть, дальше сам думай, шеф, хозяину с бугра виднее.

– Понятно, – неопределенно сказал Закраевский. Поморщился от табачного дыма, попавшего в глаз, раздраженно ткнул в пепельницу окурков. Тот не погас до конца, и сизая струйка неторопливо потянулась вверх. – Итак, что ты еще сделал?

– Ну я ж понимаю, шеф, что наследник нам нужен, как ежу кепка. Я его сначала предупредил по-хорошему. Показал, что будет, когда начну по-плохому.

– А он?

– Не понял меня, все-таки поехал в Скальск, – признался Бабай. – Ну с нотариусом у меня есть договоренность, тот, в крайнем случае, посулит ему денег, чтобы отстал. На крайняк я там оставил трех ребятишек, поговорят как надо, если по-хорошему не понимает. Чтоб дошло, наконец!

– Наследник, наследник... – Север задумчиво побарабанил пальцами по ослепительно-белой скатерти. – Сам никто и звать его никак. Интересно... Хорошо бы мне самому на него глянуть, да некогда сейчас, не ко времени из Москвы уезжать. Нерационально.

Бабай вдруг подумал, что в этой истории, куда ни глянь, одни обычные и незаметные – сплошные серые мыши в сумерках. Только почему-то всемогущий олигарх Закраевский ими очень интересуется. Этого он не сказал, разумеется. Как сказал Закраевский, платят-то не за мысли.

– Как считаешь, он тоже охотится за книгой Скворцова? – спросил Север.

– Ну...

– В том-то и дело, что «ну». Сплошное «ну» получается... Может он знать, где книга?

– Знает – расскажет. Не знает – тоже расскажет, – твердо пообещал Бабай. – Я из него душу выну и сушить повешу!

– Не напортачь в этот раз.

– Обижаешь, шеф.

Окурок все еще дымил в пепельнице, и олигарх не выдержал, потушил его, прижав пальцем горящий кончик. Прямо так, голым пальцем в огонь, отметил про себя Бабай. И не поморщился, даже лицом не дрогнул, только вытер палец салфеткой.

Впрочем, это еще цветочки, знал Бабай. Подумаешь, окурок... Однажды, сопровождая Севера на какую-то стройку, он сам был свидетелем, как олигарх в задумчивости взял с подоконника толстый гвоздь-двухсотку и начал мять его пальцами. Легко и просто, как мнут сорванную травинку.

Бабай потом специально вернулся, подобрал этот смятый гвоздь. Ага, сейчас! При всей его силе не то что раскрутить пальцами, просто разогнуть двумя руками не получилось. Вот и говори после этого, что олигарх – мужичонка щуплый, соплей перешибешь. То-то Бабай удивлялся первое время, что он, при всей его важности, ездит по городу без всякой охраны, с одним молчаливым Васей, водителем, телохранителем и, в общем, подай-принеси... Да что говорить – ездит, Бабай знал, олигарх сам, один, ходит по магазинам. Любит зацепиться языками с кем-нибудь из толпы, потолковать за жизнь. Это уж совсем не вяжется с образом миллиардера. Наш, русский человек и при миллионах-то дуреет стремительно, словно с горки катится, а при миллиардах может вообще голову не включать – так и переть по жизни без башни. А Север – нет, по-другому живет. Словно не понты гонит, а действительно плюет на всех и на всё. Ничего не боится!

Где, кстати, Вася? – поискал глазами Бабай. Что-то не видно...

– Хорошо, – подытожил Север. – Будем считать, что проблему с наследником ты решишь. Главное – не торопись его ликвидировать. Присмотрись, может, он и наведет нас на след. Очень даже возможно, что наведет... – задумчиво повторил он. – Самое важное – книга. Найди мне ее! Потом всех зачистишь, и как можно быстрее.

– А нотариус...

– Я сказал – всех. Устроишь ему какой-нибудь сердечный приступ за рулем или в парилке со шлюхами. Тебя что, учить надо?

– Сделаю, шеф, – поспешно пообещал Бабай, невольно прикрывая глаза. Когда Север так откровенно впивается взглядом, дрожь пробирает до самых пяток.

– Тогда чего сидим? Иди, Антон, работай...

* * *

Вот что называется – не поминай черта к ночи! Направляясь к выходу из ресторана, Бабай, наконец, увидел Васю. Тот стоял в дверях, цепко оглядывая зал колючими глазками. Покачивался на носках, сунув руки в карманы брюк.

Откровенно сказать, ублюдок редкостный. Это первое, что приходит в голову, глядя на него. Огромный, на голову выше самого Бабая, с плечами шириной в трехстворчатый шкаф, Вася все равно казался нескладным. Что-то странное в пропорциях туловища, рук и ног, хотя в чем странность, непонятно. Вот голова точно непропорционально маленькая для таких плеч. Бритая налысо, с какими-то буграми, шишками, углами на ровном месте. Напоминает пенек с торчащим носом-сучком.

Одно слово – урод! Глянешь, и плюнуть хочется. Или – перекреститься.

– Здравствуй, Вася! Давненько... – Бабай растянул резиновую улыбку. Подумал – чего там давненько, пару дней назад только виделись. Век бы его не видеть!

– Гы, – безразлично проскрипел Вася.

Пацаны в фирме болтали, Север откопал это чудище в психушке для буйных. Отрезал язык, чтоб не громко буйствовал, и взял к себе на работу. Всерьез гадали – есть у Васи язык или нет. А как понять, если он не говорит ничего, практически рта не открывает, только «гы» и «гы». И зачем Северу в шоферы такой монстр? Для полноты паноптикума?

Как только Закраевский понимает это однотонное гыканье...

Бабай подходил, замедляя шаг. Огромная фигура Васи с запасом перекрывала проем двустворчатых дверей, налитые кровью глазки нахально шурились. Дать пройти урод явно не собирался. Руки в карманы – покачивается, поскрипывая ботинками. А может, костями.

– Я пройду, Вась?

Даже пошевелиться не соизволил. Внимания не обратил, как на пролетающую мимо муху. А кто муха – Бабай? У него, между прочим, 192 сантиметра роста и 140 килограмм веса. До сих пор в зале штангу тягает и с грушей работает. Только эта верста коломенская может смотреть на него сверху вниз, остальным даже в голову не приходит... И что теперь делать? Толкаться как школьнику?

Вот уж парочка подобралась – Север и Вася... Страна дураков поднатужилась и стала страной уродов! – зло подумал Бабай. Хотя при чем здесь это...

– Василий, подойди сюда, – прозвучал за спиной резкий голос олигарха.

– Гы, – согласно ухнул водитель. Двинулся, едва не задев Бабая. Тот успел откачнуться в сторону – реакция пока не подводит.

Проход был свободен.

Наглость Васи окончательно его распалила. При встречах с Севером всегда так: в каком бы настроении ни приехал, уезжаешь – как пес бешеный, только бы укусить кого. Иногда понятно почему, а чаще – нет.

По кнопке вызова лифта Бабай стукнул так, что отдалось в плече. Пусть пошевеливается, зараза скоростная!

Двери открылись, он вошел, лифт рухнул вниз. В животе нехорошо сжалось. Подождав, пока пройдет, Бабай поднатужился и смачно, со вкусом бзднул. В полный голос, как говорит в таких случаях Леха Федоров.

Он покосился на своих случайных попутчиков – не возникнет ли кто? Хоть будет повод облаять. Нет, не вякнули. Правда, секретутка какая-то, киса дешевенькая в костюмчике «китайпошив», сморщила неприязненно носик. Но не собачиться же с бабой-дурой. Мужики – двое в деловых костюмах при строгих галстуках и один лохматый, в попугайной рубашке и мятых по моде брюках, – отвернули в сторону окаменевшие рожи.

Вот мужики пошли, хоть говна им на голову! – про себя усмехнулся Бабай. Дрянь-народ, мелочовка. Впрочем, при его габаритах и рубленой роже отставного боксера шансов на случайный скандал было мало, сам понимал.

Он вышел из кондиционированного вестибюля в духоту и пыль летнего московского дня. Водитель, вовремя заметив босса, почти тут же двинул «мерседес» к подъезду. Выскочил из-за руля, оббежал машину, предупредительно открыл заднюю дверь.

Даже этого не обругаешь! – обиженно подумал Бабай. Водитель Ваня Луцкий по кличке Вано, природный славянин с грузинской чернявостью, был из своих, доверенных. Работал с ним еще с бандитских времен. Тоже не Аристотель, кроме оборотов движка и лошадей под капотом, Вано мало что интересовало, зато машину водил как бог, всерьез занимался когда-то авторалли. И стреляет Вано неплохо. Главное, быстро, без рассуждений, что еще лучше.

Эх, жизнь бекова, нас – да, а нам – некого... Бабай устроился на сиденье, закурил наконец и коротко приказал: «В офис, Вано».

* * *

По столичным меркам частное охранный предприятие «Нас рать!» было не очень крупным. Десяток договоров на охрану коттеджных поселков в Подмоскovie, обслуживание четырех офисных зданий в самой столице, две бригады телохранителей с разрешением на ношение оружия – вот и вся легальная деятельность.

Для легалки Бабай, как все в этом бизнесе, нанимал контингент из других областей. В их городках-деревеньках работы все равно нет, чего-то платишь по мелочи, поселяешь в общежитии с крысами и тараканами, они и рады. А не рады – дверь прямо по курсу! У нас – хвала правительству! – полстраны безработных, последний хрен без соли доедают, так что бизнес выгодный. Хотя куда большую прибыль Бабаю приносила другая, тайная структура внутри агентства. Которая занималась тем, что обтекаемо называется «решать вопросы». В том числе за гранью закона. Как далеко за гранью – зависело лишь от суммы...

В офисе Бабай, конечно, нашел к чему придраться: перед входом фантик брошенный, ни одна сволочь не подняла, дневальный (охранная фирма – военная терминология) раскорячился, как баба беременная, у дежурного на пульте связи с объектами табаком пахнет, хотя в помещении даже думать о куреве запрещено... Понаедут козлы косорылые из тамбовых-рязанний, работай с ними! «Чем в столицу лезть – сидели бы дома, месили бы говно на зиму!» – с удовольствием орал Бабай.

Разорялся, впрочем, недолго, пока ехал в машине, остыл все-таки. Уже сам не очень-то понимал, что так завело его во время обычной, рядовой встречи с Севером. Нет, понятно, в глубине души Бабай отчетливо сознавал, что злит его не что иное, как собственный страх перед этим человеком. Но в этом не хотелось признаваться даже самому себе.

Самое паскудное – Закраевский, похоже, знает про его страх. И знает, что Бабай это чувствует, и посмеивается над ним. Играет как кот с мышой. Развлекается. Это с ним-то, с Бабаем, которого даже бандитские паханы считали контуженным на всю голову сразу! О-хо-хо, жизнь...

Раздав подчиненным положенных триндюлей, Бабай величественно прошествовал к себе в кабинет.

В отличие от масляной краски в остальном офисе кабинет генерального был отделан деревом дорогих пород и обставлен итальянской мягкой мебелью, в которой с удовольствием утопаешь. Дизайнер из модных, хоть и педрило грешное, не зря получил свои бабки. Которых, честно сказать, Бабай ему недодал, придравшись к какой-то мелочи. Дело не в жадности, дело в настроении – такая копеечная экономия всегда его поднимала. А педрило пусть попробует жаловаться, получит такого ума через задний проход, что сразу сменяет ориентацию на абонемент в райбольницу... Вспоминать, как развел дизайнера, было до сих пор приятно.

В кабинете Бабай достал из бара бутылку коньяка, глотнул прямо из горлышка. Обожгло и согрело внутри. Не выпуская бутылки из рук, он сел за стол, подумал, ткнул в кнопку интеркома.

– Я слушаю, Антон Игоревич! – немедленно откликнулась секретарша.

– Леху Федорова ко мне.

– Антон Игоревич, он был уже, только недавно уехал...

– Тебе что, сука, уши дерьмом забило?! – немедленно вскипел Бабай. – Я сказал – ко мне! Одной ногой!

– Есть, Антон Игоревич! – отчеканила секретарша. Она давно смирилась с оскорблениями начальника, тот любит, чтоб перед ним трепетали.

– Есть на жопе шерсть... – сообщил ей Бабай, отключаясь.

Сигарета дымилась в пепельнице. Он вспомнил Севера и попробовал потушить ее так же. Решительно ткнул в огонек толстым пальцем...

От его отчаянного, трехэтажного мата даже флегматичная секретарша не вытерпела, высунула голову из-за двери. Округлила глаза на шефа, приплясывающего у стола и размахивающего руками.

– Антон Игоревич, что случилось...

– Пошла на х..., дура!!!

Секретарша мгновенно исчезла.

Больно, черт, больно-то как!..

Руку пришлось долго отмачивать под краном. Когда палец онемел от ледяной воды, и боль по-утихла, он глотнул еще коньяка. Покрутил головой, усмехаясь собственной дури. Закурил новую сигарету и стал ждать, без интереса поглядывая на улицу за окном...

6

– Вот такие дела, Альберт Петрович...
– Да, дела, Максим Евгеньевич...
– Вот так бывает – живет человек, живет, а потом – бац... И – ага! – философски рассудил нотариус Храпов.

– Ага – в смысле, не живет больше? – догадался я.
– Именно.
– И как будто не жил никогда... – развил я.
– Даже не говорите... – вздохнул Храпов.
– Как в народе говорят – помер Максим, да и хрен с ним!.. Ох, извините, я, конечно, не о присутствующих.

– Ничего, – сдержанно извинил нотариус.

Мы замолчали.

Кабинет нотариуса был оформлен в стиле со-временно-усредненного офиса – белые стены, темная мебель «под дерево», полуприкрытые жалюзи нарезают солнечный свет ровными полосками, компьютерные столы с избытком оргтехники свидетельствуют о занятости. Лишь застарелый душок лежалой бумаги заставляет предположить, что когда-то в этих же стенах скрипели гусиными перьями многие поколения стряпчих. Даже к месту, намекает на преемственность и традиции.

За обширным столом с двумя компьютерными экранами и дорогими письменными принадлежностями нотариус выглядел под стать голосу – солидно и основательно. Темный костюм, темный галстук, темные кудри с проседью, очки с массивной темной оправой на крупном носу. Этакий столп местной юстиции, воплощение респектабельности и делового достоинства. Хотя при личной встрече столп юстиции оказался не таким строгим, как в разговоре по телефону. Принял меня радушно, с намеком на некую доверительность. Пока помощники в четыре руки оформляли-заполняли разные бумаги, нотариус завел со мной неспешную беседу на вечную тему «Вот оно как бывает...».

Я сразу понял – что-то он от меня хочет. Остается ждать и поддакивать, мне, в сущности, торопиться некуда.

– Но, правда, бывает и по-другому, – продолжил я наш жизнеутверждающий разговор.

– Это как? – удивился он.

– Сначала – ага, потом – бац. Хотя, признаться, результат не слишком-то отличается.

Нотариус Храпов подозрительно зыркнул на меня, но все-таки покивал: «Даже не говорите. Все там будем...»

Мы еще помолчали. Он со вкусом отхлебнул чаю из большой кружки «650 лет городу Кызыл-Тюбэ». Из кружки свешивались нити сразу двух чайных пакетиков. Не бережет себя Максим Евгеньевич, горит на работе.

– Завещатель ваш, господин Скворцов, – ведь не старый, шестьдесят с небольшим. А лег спать и не проснулся. Врачи говорят – сердце. А я так полагаю, сердце – оно у всех есть...

– Да, почти у всех, – подтвердил я.

– И я про то же.

Он снова отхлебнул чаю.

Хлебал Максим Евгеньевич от души, громко и вкусно, с особым носовым присвистом и сладострастными выдохами. На эти выразительные звуки я обратил внимание, еще сидя в приемной, когда коротал полчаса ожидания в очереди из двух человек. Воображение услужливо нарисовало самое непотребное, что могло твориться за фанерной дверью, откуда доно-

сились узнаваемый баритон и щебетание двух помощниц. Оказалось, чай. Просто чай, даже неинтересно.

– Девочки, ну, вы скоро?! – гаркнул вдруг Храпов, привольно раскатываясь по офису баритоном.

Я вздрогнул от неожиданности.

– Сейчас, сейчас, Максим Евгеньевич, заканчиваем.

– Заканчивайте и – обедать.

– Мы же обедали.

– Тогда – ужинать!

– Ужинать вредно. Мы лучше пойдем, покурим.

– Ага... Курить тоже вредно.

– Для фигуры – полезно, – пререкался младший нотариат.

Храпов выразительно глянул на меня и обреченно развел руками. Я посочувствовал взглядом.

Наконец бумаги были распечатаны и выложены на стол. Прощакали каблучки, и хлопнула дверь. Нотариус, откинувшись в кресле, посмотрел на меня еще значительнее. Я – на него.

– Максим Евгеньевич, а вы в опере петь не пробовали? – первым не выдержал я.

– В опере? – удивился он. – При чем тут опера?

– Голос у вас.

– Да, голос есть, ага... – согласился он, слегка засмущавшись. – Нет, когда-то я ходил в самодеятельность, во дворец культуры «Железнодорожник», пел там. Многие хвалили, ага... Но мне худрук сразу сказал – голос у тебя, Максим, есть, а вот легкие слабые, не потянут настоящего пения. Так и сказал... А тут еще отец-покойник все советует – иди в юридический, дело верное. Говорил: петь, плясать – это, знаешь, бабка надвое... Сегодня поешь, завтра пляшешь, а послезавтра, смотришь, окончательно спился. Легковесное занятие, без базы на черный день.

– Понимаю. Черный день мы все имеем в виду.

– Будет, – веско пообещал нотариус.

Я не усомнился, а он слегка нахмурился, собираясь с мыслями.

– В наше сложное время...

– А когда оно было простое? – вздохнул я. – Время то есть. Сколько помню себя – одно сложнее другого. Времена, значит.

По-моему, Храпов меня не очень понял, но насупился еще значительней:

– Все так, уважаемый... Ага. Вот об этом я и хотел с вами... Тут такое дело... Дело, собственно, вот в чем... Одно, скажем так, лицо, – решился, наконец, Максим Евгеньевич, – заинтересовано, чтобы этого наследства вы не получили... Нет, поймите правильно, я ни к чему, разумеется, не призываю... Вы как наследник по закону вправе сами решать – принять наследство или не принять. Просто это лицо, скажем так, уполномочило меня сделать вам некое предложение... Интересное предложение, скажу прямо, вполне даже выгодное предложение... Понимаете меня?

– Понимаю, – догадливо кивнул я. – Но пока не очень.

В сущности, ничего непонятного – метод кнута и пряника в действии. Кнут мне уже продемонстрировали с утра пораньше, теперь, по логике вещей, будет предложено сладкое. Это называется – берегите зубы.

– Скажу прямо – одно лицо, пожелавшее остаться неназванным, уполномочило меня предложить вам некую сумму, – значительно глянул на меня Храпов. – В порядке, так сказать, компенсации. За отказ...

– Сумму, простите, какую?

– Ну скажем так, двадцать тысяч долларов...

Я выразительно поморщился:

– Максим Евгеньевич, одно лицо явно не обвинишь в расточительности. Сами подумайте, что такое двадцать тысяч долларов? В наше-то непростое время? А тут дом, земля, хозяйственные постройки. Опять же, счет в банке...

– Нет, вы не понимаете, Альберт Петрович, – немедленно нажал Храпов. – Это же не Москва, уважаемый, даже не дачное Подмосковье. Здесь дома стоят на порядок ниже, чем у вас там. К тому же дом – одно название, что дом, от ветра шатается. Двадцать тысяч долларов – очень хорошая сумма, я вас уверяю.

– Мне не нравится.

– Ага. Хорошо... А, скажем, тридцать тысяч? Нравится?

Я подумал. И опять сморщился, еще выразительнее:

– Нет, не греет. Вот спрашиваю сам себя – Альберт Петрович, может хоть как-то, хоть каким боком? А оно не греет. Никак.

– Сколько же вы хотите?

Я ничего не хотел. Но об этом ему пока знать не нужно.

– Учтите, дом на окраине, почти за городом, – не сдавался нотариус. – Место совсем не престижное, рабочая окраина. С тех времен, ага, когда еще завод работал и текстильная фабрика. Сейчас-то ничего не работает, просто окраина и бомжатник...

– Миллион.

– Чего?!

– Евро. Эта валюта, мне кажется, более перспективная, чем пресловутый доллар, – объяснил я. – Хотя и здесь все сильно преувеличено. Вот когда деньги были в золоте и серебре, тогда проще было – взвесил, проверил на чистоту металла, и сразу все ясно. А сейчас? Теперь, знаете, с этими пластиковыми карточками даже зарабатывать неинтересно. Сам себе напоминаешь ребенка, который гоняется за мыльными пузырями.

– Альберт Петрович! Уважаемый! Дорогой мой! – трубно воззвал ко мне Храпов, не посрамив оперную школу д/к «Железнодорожник». – Ну вы бога-то хоть побойтесь! Кто ж вам столько даст за эту хибару?! Это же... Это же не знаю что! Кому она нужна-то?

Очень разволновался господин нотариус. Невзирая на сердце, которое, между прочим, у всех.

А что я такого сказал? Так, поторговался немного для приличия и порядка. Сложные времена – рынок диктует, экономика подписывает.

– Раз спрашивают, значит, кому-то нужна, – вполне резонно объяснил я. – А я не спешу. Может, кто-нибудь даст.

– Миллион? – саркастически подсказал нотариус.

– Именно.

– Возьмут и дадут?

– Именно.

– Ну знаете... – Храпов выразительно глянул на меня. Скорбно покачал головой на предмет зажавшихся москвичей, которые там у себя совсем ага.

Молчание длилось, становясь все более напряженным. А потом нотариус улыбнулся. Широко, профессионально, но совсем не искренне.

– Интересная вы личность, Альберт Петрович...

Я счел себя обязанным вернуть комплимент и рассказал, что интереснее господина Храпова трудно кого-либо представить. Пообщаться с господином нотариусом – как в кино сходиться или, скажем, в музей. Мол, цены вы себе не знаете, уважаемый Максим Евгеньевич, право слово, не знаете...

Всегда интересно, как люди реагируют на беспардонную лесть.

Нотариус отреагировал сдержанно, но без удивления.

– Я знаю! – прозвучало веское. – Все равно спасибо. Ага.

Словом, расстались мы вполне дружелюбно. С виду. Максим Евгеньевич подробно, тем доходчивым, мягким голосом, каким обычно говорят с идиотами, растолковал мне, что для дальнейшего оформления документов мне надлежит явиться в нотариат еще раз с такими-то и такими справками. Лишь в последний момент не удержался, с ехидцей посоветовав быть аккуратнее. Мол, с подобными аппетитами немудрено подавиться. Ага.

Мне тоже хотелось посоветовать ему что-нибудь дельное. Хотя бы впредь не связываться с одними лицами. Видел я эти лица не далее как сегодня утром, эти точно хорошему не научат. Его мудрый папа под этим бы подписался и печать поставил.

Я промолчал, разумеется. Давать советы – дело не такое простое, как кажется. Помню, когда-то, если быть точным – веке в XVI до н. э. согласно современному летоисчислению, я посоветовал нормарху Аниону, правителю окраинной области Нижнего Египта, удвоить налоги. С самыми благими намереньями – времена темные, смутные, от столичных Фив помощи ждать не приходится, а на границах нома опасно кучкуются кровожадные племена гиксосов. Для обороны границ нужно сильное войско, для войска требуется много денег. Народ поймет, что лучше отдать часть сейчас, чем потерять потом все, уверял я правителя.

Налоги удвоили. Народ не понял. Скоро разъяренные подданные таскали голову номарха на палке и кидали в нее ослиным дерьмом. Область осталась без управления и скоро стала легкой добычей. Гиксосы массово вторглись в землю избранного народа, начали грабить и резать всех подряд.

Мне, приближенному номарха, сначала вроде бы удалось унести ноги с кое-какой долей богатств. Но на тайных, извилистых тропах бегства меня отравили и ограбили собственные слуги, пусть на суде Осириса их ядовитые сердца пожрет чудовище Амимит! Как известно, именно оно облизывается на грешников рядом с весами правосудия богов и сжирает негодяев бесследно, не давая им воскреснуть в другой, лучшей жизни...

Нет, я до сих пор считаю, что мой совет был неплох. Мало того, единственно возможным в той ситуации. Но кому, спрашивается, стало хорошо?

7

Выйдя от нотариуса, я решил было податься в гостиницу – придется в городе задержаться. Потом подумал: а зачем тратиться? Раз я практически состоявшийся наследник Скворцова, и догнать меня с миллионом евро под мышкой никто до сих пор не беспокоился, то имею право хотя бы взглянуть... Хотя что смотреть? Назло всем скупердям и их нотариусам двинусь прямо в хозяйство Скворцова и начну недвусмысленно обживать дом, не забыв про постройки, за которыми тоже, разумеется, глаз да глаз. Какой там адрес в документах: ул. Грибова, 14? Вот там меня и ищите, господа хорошие, там теперь моя вторая малая родина...

На ближайшей автобусной остановке я выяснил у местного населения, что до улицы Грибова доехать просто. В общем, я правильно двигаюсь, на четверочку нужно, она, четверочка, в аккурат до Грибова довезет. Там у нее, четверочки, конечная и разворот, мимо не проеду, значит. Вот только двигаюсь я неправильно, мне бы в другую сторону нужно, в аккурат в противоположную. Вон там остановка, с другой стороны дороги. Значит, если сесть здесь, то четверочка до самого Летчика Попова довезет. Может, мне нужно на Летчика Попова? Тогда – правильно, только от Летчика Попова до Грибова далеко будет, как раз противоположный край города, вот такая штука...

Из этого топографического штопора я все-таки вырулил и двинулся на четверочке в сторону Грибова. Кажется. Уже через пять минут пути я спо-хватился и снова принялся выяснять, где у нас Грибова, а где Летчика Попова. Тут-то меня и сразили, сообщив, что я еду в другую сторону. Если на Летчика Попова – это ж надо прямо сейчас выскакивать и пересаживаться, она, четверочка, очень редко ходит. Вспотеешь, ждавши, мэр Гаврилюк все обещает пустить дополнительные автобусы, давно обещает, уже и сам себе не верит, но все обещает и обещает... На Грибова? Нет, на Грибова правильно, но зачем мне на Грибова, если мне на Летчика Попова нужно?

Словом, на улице Грибова я высадился с большим облегчением. Огляделся. Пейзаж был вполне деревенский – деревянные домики скошены временем до выразительного прищуря окон, некрашенные заборы густо поросли крапивой и лопухами. Березы, липы, отсыпанные щебенкой дороги, на лужайке бродит привязанная к колышку черно-белая коза, наклоняясь к вытоптанной траве и брезгливо потряхивая бородой.

Дом № 14 я не обнаружил, нумерация шла от 30 и выше. И в одну сторону выше, и в другую. В третий раз миновав козу, я заметил в ее взгляде скептический интерес. Тут, на мое счастье, на улице наметился трафик – мимо проехал подросток на велосипеде. Он успокоил меня, что на улице Грибова все путаются, такая улица. Потому что она петлей – до оврага и после оврага. То есть чтобы попасть к первым номерам домов, мне нужно в обход через улицу Лобачевского. Но это долго, километра три топать. Все ходят напрямки по тропинке через овраг, мимо старой стройки. Там когда-то начинали строить элитный многоквартирник, потом бросили это дело. Кто из богатых поедет сюда, на окраину-то, словоохотливо объяснил юный абориген. За оврагом и стройкой, значит, опять начинается Грибова, первый дом как раз на опушке леса. Четырнадцатый? Это где учитель жил, который умер недавно? Правильно, там его дом, как раз стоит рядом с 28-м. Там все дома с 1-го по 29-й, только 27-й уже с нашей стороны оврага, его тоже никогда не могут найти.

Я посочувствовал непростой судьбе 27-го. Сказал, что за город Скальск я теперь спокоен, враг здесь не пройдет ни под каким видом. Потому что заблудится и одичает со временем. Отрок длинно сплюнул и патриотично сообщил, что клал на врагов с большим прибором. Толкнулся ногой и снова нажал на педали.

Поблагодарив его в спину, я зашагал мимо кустов черемухи. Спустился в овраг, перепрыгнул через ручей, долго карабкался вверх по чуть заметной тропинке, цепляясь за кусты

и корни. Как было обещано, скоро очутился на брошенной стройплощадке. Давно брошенной – фундамент и штабеля блоков уже заросли вездесущей порослью. Невдалеке от фундамента понурился ржавый строительный вагончик с тщательно выбитыми окнами. Стены его покрывали несколько слоев граффити на половую тематику. Недостаток художественного мастерства восполняли поясняющие надписи.

Отдыхая после крутого подъема, я наконец понял, что подспудно не давало мне покоя с самого въезда в Скальск. Вспомнил наконец, разглядывая незамысловатую настенную похабень... А ведь я знаю эти места! Был здесь когда-то!

Если быть точным – не просто был, присутствовал при самой закладке города. Просто меня сбило то, что тогда, в XVI веке, он назывался еще выразительнее – Зубоскальск. Точнее, Зубоскальский острог. Деревянная крепость, которую царь Иван Грозный повелел поставить в обережение северных рубежей Московии от военной опасности и лихого люда. В особенности от недавно разгромленных новгородцев, что растеклись по Руси разбойными шайками...

* * *

Место, как сейчас помню, царь выбрал не случайно. Когда-то здесь было большое языческое капище, древнее, как весла Ковчега, вот Иван Васильевич и повелел отряду опричников построить укреп именно на бесовском вертепе, к пущей досаде нечистого. А чтобы окончательно посрамить богопротивных идолов, срубить для начала церковь, покаяться всем кагалом и восславить Спасителя.

Церковь поставили, помолились, взялись за возведение стен. Бревна, понятно, опричники рубили не сами, понагнали из окрестных деревень смердов. Много нагнали, толпы. Думали – к яблочному Спасу закончим, да куда там... Стройка как-то сразу пошла через пень-колоду. Все время что-то случалось – то штабеля бревен ни с того ни с сего загорятся, то рухнет почти достроенный кусок стены, то придавит кого-нибудь, а однажды из фундамента одной из башен сам по себе выполз опорный камень. Здоровенный такой валун, помню, серый с синеватым отливом. Еще с вечера лежал в земле, а утром глянули и обомлели – камень сам выбрался на поверхность и башню так накренил, что того гляди рухнет.

Трудники, да и мы сами, окончательно убедились, что виной всему – древнее волховство. Злое место – спаси-сохрани! – чародейное, бесы из-под каждого куста подмигивают. И ночами гукают, наводя жуть и морок...

Чтобы откатить камень и заново переложить бревенчатую башню, мужиков пришлось гнать на работу саблями и пинками. Страшно было! Им страшно и нам, воинам, тоже, к чему скрывать. И хуже будет! – пророчили многие. Уже о конце света начали поговаривать, куда ж без этого?

Дьявольский камень, конечно, окропили святой водой, чин чином совершили над ним молебен, в сотню рук скинули в глубокий овраг. Но страх на стройке остался. Плохие случайности все учащались, и трудный люд начал разбегаться при первой возможности.

Впрочем, царь повелел – крепости быть! Значит – будет, никак иначе. Государь Иван памятливым, за заслуги – милует, за вину – втрое спросит.

Беглецов мы ловили, конечно. Так и рыскали окрест на конях, днями не слезая с седел. Сначала просто пороли до лоскутов на спине, потом, озверев, начали рубить самых оголтелых или кто подвернется под горячую руку. Все равно бежали – упрямый народ. А мы тем временем заливали страх реками вина и браги. Гулеванили до полного затмения ума, развлекая себя всякими измышательствами над смердами. С этого хмельного, невеселого веселья и родилось разухабистое название новой крепости – Зубоскальск...

Я, вспоминая, словно вживую слышал залиvistое ржание Грязного, Сеньки Грязнова, служилого из мелкопоместных, огромного, как бугай, и дурного настолько же. Увидел, как

тот, оскальзываясь по грязи, за ногу тащит голую девку с распоротым животом. Над длинно размотанными кишками роятся мухи, а Сенька, пьянее вина, орет дурным голосом: «А вот кому?! А кто хочет такую красную?! Тока-тока ее распечатал, бери и пользуйся, пока не завоняла!»

Опричнина... Гуляй, братья, пока башка на плечах, пока сабля в руке да царь Иван при-вечает! Недолго уже оставалось, хотя мы того не знали.

Помню, Сеньку потом убили в Ливонии. Не враги, с кем-то из своих задрался по пьянке. Шкебутной был, минуты не усидит спокойно, и руками дергался, и лицом. Сейчас бы сказали – психически неуравновешенный тип, но тогда определяли проще – шалый. От таких орлов, с лица сизых, и пошла об опричном войске дурная слава. И то сказать, от бесконечной пьянки и безнаказанной крови многие тогда с ума сходили...

Выходит, наш Зубоскальск, поднявшийся на крови и нагайке, все-таки устоял. С годами крепость преобразилась в город, а из названия выпала лишняя стоматология. Получился Скальск, город на холмах, где когда-то поклонялись своим богам древние славяне...

Вот интересно, где сейчас Синий камень? До сих пор где-нибудь поблизости?

* * *

Я все еще стоял, когда из-за вагончика вышли трое. И направились. Явно по мою душу. Эти наверняка будут бить, понял я. Будут бить или нет – на сегодня, вообще, вопрос дня. – Ребята, вам закурить? – спросил я как можно миролюбивее.

Мне не ответили. Смотрели пристально. Нехорошо, не по-доброму.

– А хотите, бумажник отдам? – предусмотрительно предложил я, похлопав себя по карману.

Бумажник молчаливые ребята тоже не захотели. И уже обступали. Молодые, плечистые, с наглостью братков и выражением лиц фотороботов. Пахнут водкой... Вот именно – пахнут! – сообразил я.словно безжалостно ею поливались. Застарелый перегар из глубины организма – другой запах.

Вроде бы сценарий классический – соображали мужики на троих, не хватило, решили добавить за счет случайного прохожего. А тут – я. И они...

– И часы не забудь, у него часы дорогие, – деловито напомнил кто-то.

«А про часы они откуда знают? Про часы они просто не могут знать! Вряд ли местная алкашня с ходу отличит дорогу Швейцарию от китайских аналогов».

Прокол. Оговорка. Или – не стесняются...

«Все-таки будут бить или убивать?» – успел я подумать.

Потом меня толкнули в плечо. Я ожидал, качнулся в сторону, и толчок получился смазанным. От второго удара – ногой в лицо – тоже увернулся. Высокие удары ногами – это красиво, но медленно. Растяжка, впрочем, у ребят хорошая. Не алкашня. Хуже...

В этот момент в голове взорвалось. Красные мухи еще плавали перед глазами, когда я начал понимать, что лежу на земле, сбитый сильным ударом. И едва дышу, больно приложившись спиной к рассыпанной арматуре. А эти, плечистые, совсем рядом. Не торопятся. Уверены.

«Что-то я расслабился последнее время... Так бить или убивать?!»

Долю мгновения, может, десятую часть секунды, я колебался – мягкость востока или жесткость севера? Злость сама выбрала. Пальцы сомкнулись на железном пруте, но это уже не прут, не прижавевшая арматура, это была рукоять меча, почему-то лишенная ременной оплетки. И я – больше не я, Альберт Обрезков, сорока лет, рекламный журналист из Москвы. Я – Индальф Торгвенсон по прозвищу Синезубый! Ярл и воин, морской бродяга, знаменитый викинг земли Свитьод, будущей Швеции...

И пусть меня сбили на землю при первой схватке, пусть врагов трое против одного! Но я жив, и рука держит меч! И значит, им предстоит умереть, этим трусливым псам, что боятся схватиться один на один с прославленным воином!

«Один, Бог Ратей, ты видишь мою отвагу?!»

Думаю, они не поняли моего клича. Не могли понять, этот древний язык не звучал на Земле уже сотни лет. Но испугались от неожиданности. Отпрянули.

«Что, псы?! Ловили лисицу, а поймали свирепого бера-медведя?!» – весело оскалился ярл. А руки и ноги воина уже двигались привычно и быстро. Вскочил, увернулся, удар, защита, еще удар...

А почему не упала на землю отрубленная рука? Почему она просто хрустнула, как ветка под тяжестью? Меч не наточен?

Ладно, потом...

А что это за две палки с цепочкой враг крутит в руках? Или малый рехнулся от страха, решив изобразить из себя базарного плясуна?!

На всякий случай ярл сделал движение-обманку и, перекрутившись, отрубил странные палки вместе с кистью руки. Правда, кисть опять не отлетела в сторону, просто брызнула кровью.

Истошные вопли врага – услада для ушей воина! Ярл снова прокричал воинственный клич, с удовольствием втягивая ноздрями терпкий дух крови. Потому что сражаться и умирать надо весело, боги-ассы приветствуют радость битвы!

Только что такое творится с мечом – не рубит! Заколдовали тролли, стараясь превратить его в обычную палку?!

Ладно, потом...

Уход. Удар. Пусть меч-палка дробит, а не рубит, но враги падают!

Где же третий? Бежит?! Бежит, шелудивый пес, покрыв позором себя, и предков своих, и род свой!

Пусть будет он проклят до конца дней Мидгарда, пусть Одноглазый Один, Бог Павших, скривится от презрения к трусу в золотых чертогах Асгарда!

Так с кем сражаться?! Кого убивать?! Где враги?!

* * *

Опомнившись, я почувствовал, что руки и ноги откровенно трясутся. Присел на корточки, закурил. Методично пускал дым в синее небо. Успокаивался потихоньку.

Один из нападавших действительно убежал. Придерживая одной рукой другую, похоже, сильно разбитую. Два других убежать уже не могли. Валялись. Ярл Индульф, получивший за белизну улыбки прозвище Синезубый, был известен искусством владения мечом на всем побережье фиордов. Пусть железный прут не рубит, как отточенный меч, но сила удара ничуть не меньше.

«Вот такие они, колдуны XXI века, – возьмут и заколдуют меч в арматуру!» – усмехнулся я.

Правда – смешно. Крепенькие ребята собрались всласть покуражиться над заезжим дядькой, а нарвались на древнего воина-викинга. Который, кстати, убил двадцать семь соперников в поединках на равном оружии, а сколько народа перебил-перекалечил в набегах – сам не считал. Пока, в свою очередь, не успокоился с топором в голове, в самом расцвете славы в возрасте тридцати шести лет. Точнее, тридцати шести зим по счету времени викингов, у них считалось – прожил зиму, значит, прожил год.

Знали бы братки, кого встретят, хоть кольчуги бы надели, что ли...

Похоже, опять будет весело в городке Зубоскальске! – подумал я все еще возбужденно. А теперь нужно убираться отсюда куда подальше, потому что подвиг ярла IX века местная полиция наверняка не одобрит. Говорят, современное понятие самообороны абсолютно не означает, что нужно убить врага, сжечь его дом и перерезать родных и близких в шаговой доступности. В странные времена мы живем, кто б сомневался...

Адреналин, конечно, еще кипел внутри.

Индульф Синезубый, к примеру, не знал, что такое адреналин, но хорошо знал, как с ним бороться. Уже бежал бы в сторону ближайшего бочонка с пивом с намереньем отхлебнуть сколько влезет, а потом от души орать и буяннить. Хвалиться перед всеми подряд новым подвигом, пока у самого на зубах не навязнет. Простые методы релаксации зачастую самые действенные.

Впрочем, хватит на сегодня воспоминаний.

Отдавая дань современной криминалистике, я протер прут-меч от отпечатков пальцев, зашвырнул его подальше в овраг и быстро зашагал прочь.

8

Когда я добрался наконец до своей потенциальной собственности, солнце уже клонилось к закату. Длинный выдался день. Вместо того чтобы тихо-мирно коротать время над статейкой об унитазах (честно сказать, единственное положительное качество этой сантехники – рекламный бюджет), я получил наследство, уехал за двести километров от дома, был обстрелян, лишен миллиона евро и сражался с тремя бандитами перед лицом Одина, Отца Богов. При этом беспокойный день еще не закончен, а про ночь лучше не зарекаться. О-хо-хо...

Просунув руку между редких некрашенных досок забора, я откинул щеколду калитки. Зашел. На участке давно и густо разрослась сирень, яблонево-вишневый сад живописно запущен, на двух небольших грядках что-то скорее чахло, чем произрастало. Бетонная дорожка с пробивающимися сквозь трещины пучками травы подвела меня к дому. Старые, темные бревна стен скособочились, железо на крыше прижавело неряшливыми пятнами. Фасад когда-то попытались облагородить синими резными наличниками, но краска на них уже потрескалась и повисла лохмами.

Прав нотариус, совсем не элитная собственность! Глядя на этот дом, понимаешь, что и вложения в недвижимость – еще не билет на поезд вечности. Я подумал, что учитель Скворцов перебрался из Москвы в Скальск явно не из любви к земле и домашним ремеслам. Тогда зачем? Похоже, на этот вопрос мне тоже предстоит ответить...

Входная дверь оказалась не заперта – навесной замок с гостеприимно откинутой дужкой был просто воткнут в петли. Непорядок, этак все мое наследство по ветру!

Я вошел. На скрипучем полу террасы – нагромождение пустых фанерных ящиков, лопаты, ведра, еще какой-то хозяйственный инвентарь. Дальше – кухня, две небольшие комнаты, оклеенные блеклыми салатowymi обоями, случайная, разнокалиберная мебель. Пахло подгнившими яблоками и еще чем-то застарелым, но не противным. На стене упруго стучали электронные часы, еще больше подчеркивая окружающую тишину. Такая бывает в старых пустых домах, где скрипы и шорохи слышатся как вздохи времени.

«Вот так живет, живет человек и – ага! – опять вспомнил я рассудительного нотариуса. – Да, Максим Евгеньевич, а все-таки мы с вами не договорили...»

* * *

Беспокойный день все-таки подходил к концу – за окнами наконец смеркалось. Я не торопился зажигать свет, без него проще чувствовать.

Итак, книга Скворцова... Скворцов Николай Николаевич... Скворцов...

«Очень просто... Все должно быть предельно просто, – думал я. – Разумеется, спрятана она где-то здесь. Просто спрятана, но надежно. Так, что все обыски в доме ничего не дали. А они ничего не дали, без сомнения». Злость горе-сыщиков, которые шарили по этим комнатам, я чувствовал так же отчетливо, как некурящий человек – запах табака. При этом следов их присутствия навскидку не видно, нигде ничего не валяется и не перевернуто, случайный человек не заметит. Профессионально сработано. Но я-то не сыщик, я не собираюсь простукивать половицы и рыться в старых подштанниках...

Чувствовать, чувствовать...

Деревянный дом, конечно, не каменный замок с необхватной кладкой, где мыслеформы могут сохраняться столетиями. Хотя старые бревенчатые дома в этом смысле вполне себя оправдывают, хранят достаточно долго.

«Зачем нам столетия? – думал я, сидя в кресле и рассеянно постукивая пальцами по обшарпанной ручке. – Не нужны нам столетия, совсем не нужны, столетиями нас не удивишь,

сами с усами... Речь идет всего о каких-то днях, смешно сказать... Итак, милейший Николай Николаевич, рассказывайте... Подробно, внятно, с обстоятельностью покойника, которому некуда торопиться...»

Мыслеформы, кстати, не имеют ничего общего с привидениями, хотя их часто путают. Это, как явствует из названия, лишь энергия былых мыслей, которые тоже оставляют после себя вполне отчетливые следы. Нужно только научиться их видеть. Но этой науке меня когда-то учили с пристрастием, вколачивая ее в спину молодого жреца гибкой бамбуковой палкой. Действенный метод, по себе знаю, хотя современная педагогика его категорически не одобряет.

Стоп!.. Скворцов, Скворцов... Ну конечно же! – я наконец ухватил неуловимое. Действительно, простенько и со вкусом! Можно сказать, с ехидной улыбочкой из-под крышки гроба...

Дальнейшее уже было делом пяти минут. Выйти во двор, найти среди хлама в сарае проржавевший топор, в несколько ударов отбить от столба забора жердину с закрепленным на ней скворечником.

Дно у птичьего домика оказалось двойное. Между досками – узкая щель, где вполне поместилась плоская флешка, тщательно запакованная в целлофан и для верности многослойно обмотанная скотчем.

Вернувшись в дом, я достал из сумки свой ноутбук. Распаковал, вставил флешку, все еще усмехаясь.

Скворцов – скворечник! Можно догадаться без всякой экстрасенсорики. А покойничек-то шутник у нас. Был.

На флешке оказался единственный файл. Я ткнул в клавишу, компьютер послушно возвратил текст. Н.Н. Скворцов «Ступени реинкарнации». Большой текст, по объему не меньше иного романа.

Я пробежал глазами первые строчки. Решил, что название и начало вполне себе литературные. Как и сама ситуация – одиночество, тишина, старый скрипучий дом, запах яблок и подгнившего дерева. И рукопись умершего человека, в которой содержится разгадка тайны.

Ох, уж эта вечная, неизменная тяга людей к таинственному! Страшная сказка, где, затаив дыхание, все-таки ждешь счастливый конец...

Усмехнувшись, я вышел на кухню, покопался в ящиках, нашел в нехитром хозяйстве Скворцова чай и сахар. Спасибо наследодателю от наследователя!

Вода быстро закипела, я заварил чай прямо в кружке, покрепче, вернулся в комнату. Ладно, поиграем в тайны, раз обстановка соответствует. На какие-то вопросы шутник-покойник просто обязан ответить. С этими мыслями я подсел к компьютеру и начал читать уже основательно...

9

Кондиционер то работал совсем бесшумно, то вдруг начинал тонко, с присвистом, всхлипывать. Словно жаловался на солнце, безжалостно перегревшее за день стекло и бетон офисного здания. Это раздражало. Отвлекало. Поневоле начинаешь прислушиваться в ожидании очередного посвиста. «Вот всегда у нас так, – вяло думал Бабай. – Сверху – понты, пафос, евроремонт за евроденьги... А на деле какой-нибудь Вася Пензенский с похмелья гайки не докрутил, вот и свистит кондишка».

– Нет, куда они подевались-то? – говорил Леха Федоров, набирая номер.

Ни один из его оперативников, оставленных в Скальске, на вызов не отвечал. Странно. По меньшей мере.

– Коньяку выпьешь? – спросил Бабай.

– Ну его... Слушай, их там трое – ребята крепкие, подготовленные, хоть к черту в зубы посылай... Чё с ними могло случиться?!

– Ничё.

– Вот и я говорю... – Леха мрачно глянул на свой смартфон, зловеще подкинув его на ладони, словно собираясь запустить в стену. Он может. Предыдущую трубку постигла именно эта участь.

– Но случилось, – сказал Бабай.

– Чё?!

– Это я тебя должен спрашивать – чё? – Бабай сильно хлопнул ладонью по столу. – А ты должен мне отвечать – что и как. И где, и каким макарон, и по какому месту! – Он хлебнул коньяку из объемистого пузатого фужера, причмокнул со вкусом. – Коньяку выпьешь?

Федоров покосился на него, но не ответил. Быстро, пружинисто ходил от окна до двери, поигрывая телефоном. Что тут говорить – его люди, с него и спрос.

– Сядь, Леха. Не маячь, как педофил перед детским садом.

Тот усмехнулся. Сел. Выпрямился на кресле, как на жестком стуле, не откидываясь на спинку. Расправил туго накачанные плечи, помял ладонью широкое лицо с маленькими темными глазками и развалистым славянским носом. Бабай видел – Леха всерьез озабочен и начинает злиться...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.